Каждый наш приход в храм – маленькая победа

Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона.

Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь. Родительская суббота, 1 марта 2008 г.

Сегодня — Вселенская родительская суббота, и мы с вами, дорогие мои, собрались в этом храме, чтобы помянуть наших почивших сродников. Царство Небесное, место покойное всем от века усопшим православным христианам!

Как счастливы те почившие, ради которых мы пришли сюда, чтобы помолиться за них, поставить свечку. Они радуются, что то доброе семя, которое они посеяли в своей жизни, не пропало, но принесло плоды в нашем лице.

...Конечно, нерадостно нам вспоминать о смерти, не хочется и говорить о Страшном суде. Но так все Господь сотворил и создал, что здесь, на земле, мы живем лишь временной жизнью. И Господь хочет, чтобы мы не спали сном лености: не пребывали постоянно в наслаждениях и утехах, а помнили, — хотя бы тогда, когда поминаем наших усопших сродников, — что и мы смертны, и нам придется уйти из этой жизни...

Господь даровал нам жизнь. Мы родились, выросли, приобрели знание, силу и крепость духовную... А затем подобно блудному сыну все растеряли — проели, пропили... Те таланты, которые Господь дал нам, мы не развили или употребили их не на то, на что следовало бы. Жизнь проходит, и мы видим — ничего хорошего за душой у нас нет. «Лето красное пропели, оглянуться не успели (я имею в виду себя и вас), как зима катит в глаза»...

Вот-вот придет «зима» — смерть, когда белым саваном покроют нас и отнесут в город мертвых, оставят нас там, и никто не придет поплакать на нашей могиле, потому что все живут этой суетной жизнью в мире лукавом и развращенном. И эта «прелесть мира» затягивает, увлекает и порабощает сегодня очень многих.

Некоторые из нас живут на земле и думают, что мимо них пройдет все, о чем сказано в Священном Писании: суд, наказание и расплата за грех и порочную жизнь. Но мимо Суда Божиего никто не пройдет: ни разбойник, ни подвижник, ни царь или слуга, ни полководец, ни простой воин. Каждому будет по его земной жизни достойное воздаяние от Бога: праведники наследуют жизнь вечную, а грешники — муку вечную.

В одной книге описан такой случай. Тяжело болеет неверующая девица — уже находится на пороге смерти. Мать у нее — глубоко верующая. И с плачем просит она свою дочь, чтобы разрешила пригласить священника — поисповедаться, причаститься. А та упирается: «Не нужен он мне, не хочу его видеть!» Мать продолжает умолять: «Ну, хотя бы ради меня!..» Долго упрашивает ее и наконец та соглашается: «Ладно, только ради тебя».

Приходит батюшка, причащает ее, а девица незаметно Святые Дары вынимает из уст, отдает своей подруге и говорит ей: «Когда я умру, ты мне под подушку положи их». Вскоре дочь умирает... Подруга наказ исполнила: в платочке положила Святые Дары под подушку покойницы.

Когда принесли гроб на кладбище и хотели опустить в могилу, он не опускается — стоит на воздухе. Как ни разворачивали его — не опускается. Мать заплакала. Пригласили священника, а он говорит: «Она причастилась...» И не знают, что и делать. Тут родня и все близкие начали плакать, взывать к Богу. Не выдержала подруга умершей и рассказала, что Святые Дары она положила в гроб под подушку. Тогда мать достала Дары и отдала священнику. И вдруг гроб, который до этого держался на поверхности невидимой силой, сорвался и с грохотом ушел в бездну... В ад. Все в страхе и ужасе

разбежались, одна только мать, на краю могилы, поникнув в землю головой, рыдала о погибшей душе своей дочери...

Этот пример дан нам для вразумления. Ведь, дорогие, у нас тоже много близких и родных, которые не веруют, и участь которых — ад. Мы живем без покаяния в блуде и разврате, живем ради материальных благ и ради того, чтобы упокоить, ублажить свое дебелое тело — и это цель нашей жизни.

Но у нас есть еще время для покаяния. Великий пророк Иоанн Креститель проповедовал: *«Покайтеся, приближися бо Царствие Небесное»* (Мф. 3, 2). Этими же словами и Господь наш Иисус Христос начал свою проповедь в этом мире. Да, рядом с нами Царство Небесное, но оно наследуется только через покаяние.

Когда мы живем благочестиво, нравственной, целомудренной жизнью, исполняя заповеди Божии, когда у нас внутри нет страстей и пороков, которыми сейчас объят весь мир, когда мы пребываем в молитве, в соединении с Богом, тогда Царство Божие уже внутри нас. И чтобы не потерять его, мы должны жить с Господом. А жизнь с Господом — самая счастливая, самая благодатная!

Но надо помнить и слова Христа, Который предостерегал нас, что как Его гнали, так и нас будут гнать. И самое главное — беречь душу. Любой грех наносит повреждение нашей душе. Обольщения различными псевдодуховными учениями, секты, оккультизм — всё это губит душу и лишает нас Царствия Божия.

Сейчас многие ищут более земных наслаждений. А для нас самое главное — евангельские истины, тогда у нас в душе радость, тогда Господь приходит к нам, вселяется в нас. Бог есть любовь, и когда в нас эта любовь, мы всех окружающих любим. Ради любви стараемся покрыть недостатки других, стараемся сделать человеку добро, чтобы и у него была такая же любовь, такая же радость на душе. Мы молимся Богу: «Господи, дай им то, что дал Ты мне. Господи, всели и в них Духа Святого, Который наставил бы их на всякую истину».

Было время, когда ходили миссионеры среди туземцев и сеяли слово Божие. Но были и молитвенники — подвижники благочестия, которые своими молитвами и святой жизнью поддерживали и укрепляли благодатные ростки веры. И те, которые подчинялись и поклонялись шаману и всяким истуканам, начинали познавать Бога, начинали менять свою жизнь согласно новому для них евангельскому учению. Так семя дает ростки — и сейчас по всему миру распространилась православная вера. И хотя еще малое количество людей веруют, но все равно на Страшном суде невозможно будет оправдаться пред Богом в неведении евангельских истин. Никто не скажет, что он не видел Евангелие и не слышал про искупительный подвиг Иисуса Христа, о Его страданиях, и не слышал Его призыв: *«Покайтеся, приближися бо Царство Небесное»* (Мф. 4, 17).

И вот, дорогие, к тому же призывал и пророк Иоанн Креститель, испивший полную чашу страдания. Он не побоялся царей и императоров, полководцев и воинов, а обличал и прямо говорил, что нельзя поступать против Закона Божиего... Мы же стараемся оградить себя от всяких притеснений, от всяких гонений, чтобы нас никто бы не тревожил — отсюда часто молчим о правде... и, может быть, молчанием предаем Бога.

Наша жизнь — постоянная борьба с леностью, нерадением. Вот мы проснулись, начинаем тянуться, нежиться долго в постели, думать: «Я еще полежу», а потом в раздражении кричим, почему нас не разбудили, опаздываем на работу...

Так же бывает и на родительские субботы, да и вообще в дни церковных праздников: нам жалко потерять время, сходить в храм, у нас постоянно много неотложных дел. Но Господь через совесть говорит нам, что надо помянуть родителей — они нас вскормили, воспитали, дали познать жизнь, нельзя забывать их. А в голове: «Опять там надо стоять, далеко ехать, трудно добираться...» И начинается в нас борьба. Хорошо, если мы в этой борьбе призываем Бога и надеемся на Его помощь. Но как мы можем надеяться, если в храм не ходим или ходим редко. Мы не читаем Священного Писания. Раньше мы много читали различных книг, а сейчас почти совсем перестали. Телевизор отнимает у нас очень много времени, а чтобы что-то сделать для пользы души, помолиться, почитать духовные книги — на это совсем нет времени. А дальше все более и более затягивает нас мир: компьютером, интернетом — ведь там

много различных забав, игрушек. Так мы постепенно все дальше и дальше уходим от Бога. Почему и Господь сказал: *«Не любите мира, ни яже в мире»* (1 Ин. 2, 15). А мы уже не можем без всего этого сейчас жить.

Каждый наш приход в храм — уже маленькая победа. Мы побеждаем врага в лице этой сети, затягивающей нас. Победили свою леность, нерадение — пришли, помолились, услышали Слово Божие и, может быть, что-то и приняли от благодати Святого Духа. Ведь в какой среде мы находимся — таким духом и напитываемся: если мы находимся на ристалище, спортивной арене, то мы напитываемся духом спортивных состязаний, если мы находимся в лектории и слушаем лекции — мы напитываемся духом того, что нам преподают. Если мы начинаем читать Священное Писание, то питаемся Святым Духом, Который действует через Слово Божие и проникает в нас. И когда мы исполняемся Духом Святым, мы не устаем в храме, нам здесь радостно, и мы восклицаем: «Какая служба прекрасная и понятная, почему же я раньше не знал такой службы?» И это действительно так и есть...

Будем же, дорогие, стараться жить так, как учит нас Святая Церковь — не оставлять храм, церковную и домашнюю молитву и исполнение заповедей Божиих, чтобы нам и нашим близким — живым и усопшим — сподобиться милостей от Бога и унаследовать Царство Небесное. Аминь.

Нерадивая жизнь

Святитель Игнатий Брянчанинов

Ощутил ли оживления себя Богом? Переселились ли в будущий век твои мысли и желания? Редкий, весьма редкий может отвечать утвердительно на эти вопросы; скорее каждый из нас признает справедливость произнесенного страшного приговора. Отяготителен этот приговор для уха и сердца плотских и миролюбивых, но лучше услышать его здесь, доколе еще продолжается земное странствование, доколе поприще покаяния и исправления не прекратилось. Если слова мои произведут в тебе страх и огорчение, то блажен страх этот, печаль эта вожделенна! *Печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению* (2 Кор. 7, 10).

Нам назначены рай, Небо, вечное блаженство, если будем жить здесь благочестиво, исполняя обеты, данные нами при крещении. Но мы не обращаем внимания на уготованное блаженство, как спящий безчувствен к окружающим его и ожидающим его пробуждения приятностям и наслаждениям этой жизни, мы никогда не думаем о неизреченных будущих благах: мысль наша всегда на земле, вся в земных удовольствиях, в земных попечениях. Не мертвы ли мы душою, хотя и представляемся живыми себе и тем, которые имеют плотское мудрование, смотрят одними плотскими очами.

Нам назначены ад, огнь вечный, неусыпающий червь для непрестанного угрызения и терзания нас, если проведем земную жизнь в грехах и в греховных наслаждениях. А мы этих-то наслаждений и ищем, за ними-то и гоняемся; в них желания и размышления наши. Мы живем, как бы не было ада, как бы мы были безсмертны, вечны на земле, как бы достигшие безконечного блаженства. Тщетно гремит угрозами слово Божие, тщетно возвещает о страшных безконечных муках! Мы видим смерть наших братий, участвуем в их погребении: это не производит на нас никакого впечатления, как будто смерть — удел других людей, отнюдь не наш. Мы, как мертвые, не имеем ни памятования, ни предощущения смерти, ни памятования, ни предощущения будущности. Точно, мы — мертвы. *Носишь имя, будто жив, но ты мертв* (Апок. 3, 1), — свидетельствует о каждом плотском человеке неложное слово Божие.

Для нас Сын Божий нисходил на землю, попрал нашу смерть Своею смертью, соделался для нас жизнью и вместе путем к этой жизни. Он требует от нас, чтоб мы распяли свою *плоть со страстями и похотями* (Гал. 5, 24), требует не потому, чтоб Сам нуждался в этом, но потому, что мы нуждаемся: **только в теле, умерщвленном для греха, может раскрыться явление жизни благодатной** (прп. Исаак Сирин). Но мы слышим одни звуки слов, самых слов душа не понимает и не приемлет: они произносятся для нас как бы на чужом, неизвестном языке. И это неудивительно, это — прямое следствие нашего душевного состояния. Мертвый по телу неспособен к ощущениям телесным. Так и мертвый душою не может понять слов духовных, не может ощутить духовных благ, не может иметь должного памятования смерти и вечных мук, должного познания суетности сего мира и века. Познания, столь, впрочем, ясного и осязательного: он отравлен, умерщвлен грехом, отселе уже чужд Бога и блаженства. Жизнь тела — от присутствия в ней Святого Духа.

Святитель Тихон Задонский

Напутствие обратившемуся от сего суетного мира ко Христу и начавшему каяться

Когда грешник, благодатью Божией подвигнувшись, начнет каяться, то встречает его различное искушение: Чадо, если начинаешь служить Господу Богу, приготовь душу твою ко искушению (Сир. 2, 1). Начнет человек ко Христу приступать, а сатана вслед его гонит и отвлекает от Христа. Начнет служить Христу, и препятствует ему враг и различные простирает сети.

1) Вкладывает ему отчаяние в милосердии Божием и правосудии Божием. Грешнику надобно против этого бороться и утвердиться в надежде милосердия Божиего, поминая утешительное слово: Христос Иисус пришел в мир спасти грешников (1 Тим. 1, 15).

2) Искушает различными злыми и Закону Божиему противными помыслами. Надобно грешнику против всех этих помыслов подвизаться и не соизволять им. Ибо в этом весь подвиг христианский состоит.

3) Между прочими злыми помыслами вкладывает враг хульные помыслы, различные сомнения и неверие. Надобно против всего того подвизаться и отражать все то мечом слова Божия и молитвой.

4) Хотя и всем, но особенно безбрачно живущим, всегда докучает он блудными помыслами. Надобно против них стоять, и как только они возникают, тотчас пресекать, призывая на помощь Всесильного Помощника Иисуса Христа, и хотя отойдет помысел злой, однако же враг, как пес к своей добыче, снова возвращается. Поэтому всегда должно его ожидать и, как воину, на карауле стоять. Для этого полезно всегда быть в трудах, часто молиться, мало есть, пить и мало спать. Ничто так этой похоти не угашает, как смиренная и от сокрушенного сердца происходящая слеза. Внимай этому.

5) Прельщает враг любовью мира и соблазнами и отвлекает от пути скорого. Хорошо-де быть в мире почтенным, быть в славе, чести, богатстве, в веселости, знаться с людьми, проезжаться колясками, ездить в гости и принимать гостей, и прочее. Эти его советы, по-видимому, сладкие, как плоти угодные, но внутри горькие и душепагубные. Берегись их, уклоняйся от мира, как от Содома и Гоморры, чтобы не сгореть. Слушай Христово слово: никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для царствия Божия (Лк. 9, 62). Отвечай внутри себя так: пусть то, что ты мне предлагаешь, хорошо будет тем, которые ищут этого, а мне для меня несравненно лучше Христос и святое Его иго. Он меня несравненно более утешит и увеселит, нежели весь мир. Здесь я хочу с Ним быть, да и там с Ним буду.

6) Когда враг не преуспеет через злые свои советы и не совратит человека с пути доброго, то ищет для этого другого средства, наводит тоску, уныние, печаль и прочее. Надобно все это преодолевать и крепиться.

7) Когда человек твердо в своем убеждении стоит, то враг начнет через злых людей безпокоить, и тогда откуда что возьмется. Тогда различная напасть нападет на него. Все это — злокозненного врага старание и ухищрение, и это есть то, что написано: все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы (2 Тим. 3, 12). Тогда все от него отрекаются и ненавидят, и бывает, что и сами те, которые прежде были друзьями, во врагов превращаются. Но благо и утешительно нам, что кого мир ненавидит, того Бог любит. Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает (Евр. 12, 6; Притч. 3, 11-12). «Христианин, когда ненавидим от мира, то любим от Бога», — говорит святой Игнатий священномученик (декабря 20 числа). Потому надобно всякое злоключение и напасть терпением преодолевать.

8) Отсюда бывает, что многие начинают, но немногие кончают жить благочестиво, потому что не хотят терпеть искушений и скорбным путем идти, и так с него совращаются. Но говорит Христос начавшему благочестиво жить: будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни (Откр. 2, 10).

9) Отсюда видим, как нужно христианину непрестанное старание, воздыхание и молитва, чтобы не совратиться с пути истинного, но до конца верным пребыть.

10) Для этого полезна всегдашняя память о смерти, о том, что она нечаянно и различным образом восхищает людей, память о Страшном суде Христовом, о муке вечной, о Царствии Небесном. Память об этом и верное рассуждение не попустит совратиться с пути. Вспоминай об этом часто и рассуждай: благополучие и неблагополучие временное минует, но то, что после смерти будет, не минует. Все мирское здесь останется, и само тело в земле погребается, а одна душа в оный век отойдет, и с душой неотступно добродетель или грех. Горе душе, если с грехом отойдет! Ибо с чем отойдет, с тем и на Суде Христовом явится. Поминай это, будешь себя очищать покаянием, слезами и воздыханием, да не явишься пред Господом Богом твоим с грехами.

11) Лучше все здесь терпеть, что ни приключится, нежели в будущем веке терпеть. Ибо здесь какое ни бывает бедствие и страдание, оно легкое и краткое, а там тяжкое, нестерпимое и вечное. Ибо все временное в сравнении с вечным есть как ничто. Там страдание без утешения. Здесь страждем и надеждой избавления прохлаждаемся, а там страдание и мучение с отчаянием, ибо без конца. Здесь тяжкое и несносное страдание смертью кончится, ибо смерть всему полагает конец, а там человек будет страдать и умирать, но никогда не умрет, будет мучиться, но никогда не отмучится. Поминай сие, и утвердишься в терпении.

12) Лучше утешаться и веселиться вечно, нежели временно. Ибо временное все минует, а вечное всегда пребывает и, как река, непрестанно течет. Где те, которые в веселостях мира сего пожили? Нет их, и веселости их кончились. Но претерпевшие ради благочестия утешаются в лоне Авраама, и память их пребывает в род и род. Так после суетного и краткого веселья следует вечная скорбь и горесть, а после краткой и благочестия ради претерпленной скорби наступает вечное утешение и веселье. Душа благочестивая как только отойдет из тела как из темницы, тотчас чистейший и яснейший свет видит, и во свете видит свет (Пс. 25, 10), и начинает новое, благоприятное веселье, радостное, спокойное, мирное, безмятежное, славное, вечное и блаженнейшее житие, и забывает все, что в мире с ней ни приключилось. Тогда видит и получает все обещания Божии, о которых слышала в святом Божием слове. Этого как себе, так тебе и всем получить желаю.

О необходимости благодати Божией для нашего спасения

Книга «Просто о недоступном» — это сборник писем Н. Елагина об истинах веры, написанных некоему иноку, живущему в уединении. Автор писем, особенно почитавший святителя Тихона Задонского, полагал, что «слова такого проповедника Евангелия, исполненные сердечной искренности и любви, послужат наилучшим украшением» его поучениям. Одно из его писем мы и предлагаем нашим читателям.

Человек может быть невнимателен к действиям благодати, может противиться ее внушениям; но достигнуть спасения без помощи Божией благодати он не в состоянии. Как растение не может взойти и вырасти без солнечного тепла и света, так и падший человек собственными силами не может ни возродиться, ни действовать для своего спасения, но требует всесильной Божественной помощи. *Если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия. Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие* (Ин. 3, 3. 5).

Хотя мы избавлены Спасителем нашим от греха, проклятия и смерти, однако падение наше было так глубоко, что сами мы, хотя и поставлены на истинный путь, но не только идти по нему, но даже и подвигнуть себя к тому, чтобы идти, не можем. Чтобы уверовать во Христа, и на то нужна благодать Божия. *Никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым* (1 Кор. 12, 3).

На пути к Царству Небесному мы встречаем столько различных препятствий, что без высшей помощи оказываемся совершенно безсильными. Заблуждения и предрассудки, дурные пожелания, злые наклонности и страсти заглушают в нас желание добра. Различные нужды житейские, соединенные с трудной заботой об их удовлетворении, часто встречающиеся неудачи, худые примеры, вредные обычаи влекут нас к погибели.

Только Божественная благодать Духа Святого помогает нам достигать нашего назначения. Ее вседействующая сила приводит наши нравственные силы в движение и возбуждает к деятельности. *Бог производит в вас и*

хотение, и действие по Своему благоволению (Флп. 2, 13). *Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе, — говорит Спаситель, — так и вы, если не будете во Мне. Я есмь Лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего* (Ин. 15, 4-5).

«Как дикая маслина, — говорит св. Ириней, — если не будет привита, остается безплодной для владельца по своему дикому свойству, так и человек, пока не примет через веру привития Духа, продолжает быть тем же, чем и был».

«Не украшенные Божиим словом, — говорит преподобный Макарий Великий, — не обученные Божественным законом, напрасно, надмеваясь, думают своею собственною силою устранить от себя поводы ко греху. Сила, возможная для человека, простирается только на то, чтобы противиться диаволу, а на то, чтобы при сем непременно иметь и власть над страстями, у человека силы нет. Ибо сказано: *Если Господь не построит дома, напрасно трудятся строители; если Господь не сохранит города, напрасно бодрствует страж* (Пс. 126, 1). Тому невозможно *наступить на аспида и василиска и попрать льва и змия* (Пс. 90, 13), кого не подкрепит Сказавший апостолам: *се, даю вам власть* (Лк. 10, 19). Посему и заповедано нам просить Господа: *не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго* (Мф. 6, 13).

Как тело без души мертво, — говорит тот же святой отец, — и ничего не может делать, так и душа без небесной души, без Божественного Духа мертва для Царствия и без Духа Святого не может совершить ничего угодного Богу». «Кто желает произнести исповедание веры, согласное с истиной, — говорит блаженный Августин, — должен, нимало не колеблясь, исповедать, что без благодати человек не может сделать совершенно ничего доброго, относящегося к благочестию и истинному оправданию».

«Не уловляйся самомнением, — говорит свт. Димитрий Ростовский,— и высокоумием, думая сам собою сотворить что-либо благое, ибо от человека ничего доброго не может произойти без помощи Божией; но только все злое и всякий грех. *Ибо в беззакониях зачат, и во грехах родила меня мать моя* (Пс. 50, 7). Если же от рождения имеешь в себе грех, можешь ли что благое творить от себя? Если и будешь иметь благое расположение, то греху, без помощи Божией, сам собою противостать не можешь и победить его не имеешь силы. Поскольку ты из-за преступления прародителей от рождения твоего подпал под иго и рабство греха, то сам собою освободиться от него не в силах, если не поможет тебе и не укрепит тебя Господь. Но и расположения благого от себя самого иметь не можешь, если Господь благодатью Своею не предварит» (Алфавит духовный. Гл. 5).

Святитель Тихон Задонский поучает: «Без солнца никакой плод не растет и не созревает, так и без Бога, вечного Солнца, никакое доброе дело не начинается, не производится, не завершается. Доброе желание — наше, доброе начало — наше, середина же и конец — Его дело. Все в нас Он начинает, делает и совершает.

Отсюда учись познавать свою немощь и окаянство, и ничтожество; помни, что ты сам по себе не что иное, как иссохшее дерево, которое не может принести никакого плода. От сего поучайся смирению. Всякое доброе дело, какое ты соделал или делаешь, приписывай единому Богу, дабы не присвоить себе Его дело и не похитить славу Его, и не согрешить тем тяжко. На всякое время воздыхай к Богу, да не отнимет от тебя всемогущей руки Своей, ибо без помощи Божией из греха в грех падать будешь. Повторяй часто молитву псалмопевца: *Господи, Боже мой, не отступи от мене! Вонми в помощь мою, Господи спасения моего* (Пс. 37, 23). Когда Бог посылает тебе напасть, скорбь и печаль, то хочет исправить тебя и соделать деревом плодовитым, потерпи Господа твоего, как терпишь врача, лечащего тебя горьким снадобьем».

«Кто хочет иметь истинную жизнь, жизнь духовную, — говорит преосв. Михаил, — жизнь, способную продолжаться вечно и блаженно, тот непременно должен вновь родиться силою Духа Божия, должен преобразиться во Христа — покорить волю свою воле Его, да не *живет сам по себе, но живет* и действует в нем *Христос* (Гал. 2, 20). Но сие не в силах человека, а в едином всемогуществе Божием: грешный человек, как мертвый, без Бога не только сотворить, но даже и помыслить ничего доброго не может. Он, как умерщвленный грехами, усыпленный похотью плоти и очей, и гордостью житейской, сам по себе ожить и возродиться не может. Сие действие должно быть совершено над ним посторонней силою, силой высшей, силою Божеской, Его творческим всемогуществом».

Вот почему святитель Иоанн Златоуст имел святое обыкновение ежедневно много раз возносить к Господу Богу сие прошение: «*Господи, посли благодать Твою в помощь мне, да прославлю имя Твое святое*». Руководствуясь примером святых отцов, каждый из нас должен ежедневно приносить Богу покаяние, исповедуя перед Ним собственную немощь сими словами: «*Я познал беззакония мои и с покаянием к Тебе прибегаю, не сам собою, но Ты меня наставил и привел к Себе. И ради чего сие сотворил, и что Тебя к такому милосердию подвигло, и какая Тебе потребность меня призывать? Не знаю. Знаю только то, что я грешен и безответен, и врагом Твоим был доселе, и еще не исправился. Слава долготерпению Твоему, слава многому множеству благости Твоей, слава милостивому Лицу Твоему! Ему же ныне предстоя, Господи мой, приношу Тебе, в надежде на помощь Твою, волю и намерение мое — отныне, от сего часа, от сей черты по силе моей злое и окаянное житие мое исправить. Но Ты, Господи, подай мне помощь, ибо без Твоей всесильной помощи и благодати не могу моих злых дел и греховного обычая оставить и ничего благого сотворить. Господи! Помоги мне, и спасусь*».

Н. ЕЛАГИН «ПРОСТО О НЕДОСТУПНОМ». Письмо 147.

Толкование на Евангелие от Матфея

Избранные главы

Блажени милостивии... Блажени чисти сердцем... Блажени миротворцы...

(глава 5, зачало 10)

Кто сам знаком с нуждою, кто по себе знает, как человек нуждается в милости Божией, тот и другим готов оказать милость. Кто сам алчет и жаждет правды, тот и будет творить эту правду по мере сил, помогая ближнему во всем, в чем может. «Различен милования образ, – говорит святой Златоуст, – и широка заповедь сия». Нет человека, который не мог бы быть милостивым к ближнему, поэтому нет человека, который не мог бы получить блаженства, обещанного милостивым. Поэтому Господь и говорит: ***Блажени милостивии*** – блаженны все те, которые оказывают ближнему милость или телесную, или духовную! Блаженны те, которые алчущих питают, жаждущих напаяют, нагих одевают, странных упокоевают, болящих и в темнице заключенных посещают и утешают! Блаженны те, которые сирот питают, вдовицам помогают, престарелым и увечным приют дают! Блаженны те, которые заблудших на путь истины наставляют, неверующих к вере обращают, несведущих в истину добру поучают, от опасностей предостерегают, добрым советом помогают, злом за зло не воздают и обиды от души прощают!

Блаженны плачущие с плачущими, сострадающие сердцем тому, кто обретается в бедах, кто утопает во грехах! Блаженны молящиеся за ближнего и особенно за врага своего! Блаженны те, которые и умерших не оставляют: нищих по-христиански погребают, за всех умерших милостыню подают, всех на Литургии поминают. О, эта милость есть самая безкорыстная, самая чистая, самая святая! Никому и никогда так милость не нужна, как нужна умершим молитва.

Итак, ***блажени*** все сии милостивцы, ***яко тии и сами помилованы будут*** от Бога. Кто вчера оказывал милость, а сегодня сам пришел в бедность, тому и люди охотно оказывают милость, но если бы люди и забыли его, то Господь не забудет – а милосердие Божие и милость человеческая, как говорит святой Златоуст, так же различны, как добро и зло. Сам Господь защитит и помилует их во время бед и напастей – *в день лют избавит их*, не предаст их в руки врагов их, поможет им на одре болезни их. Наипаче же в день Страшного суда Своего сотворит Он милость с милостивыми: все дела их милостивые, ближнему оказанные, Он Себе вменит и призовет их, яко благословенных, в царство Отца Своего Небесного. Но суд без милости будет тогда не оказавшим милости!..

Нужно ли приводить примеры сей великой добродетели милосердия христианского? Кто не знает дивного жития великих милостивцев: праведного Филарета, святителя Иоанна Милостивого и других? Довольно привести здесь слова одного из них, преподобного Агафона: «Если бы я нашел прокаженного и мог отдать ему свое тело, а его тело взять себе, я с любовию сделал бы это...»

Итак, грешник, ищущий, жаждущий помилования от Бога! Утешься. Вот тебе путь к помилованию: спеши делать ближнему добро, хотя малое, какое можешь, и Бог воздаст тебе великою милостию! «Нищий, – говорит блаженный Августин, – это дверь твоя, а ты сам – нищий пред Божиими вратами. Как ты поступишь со своим просителем, так и Бог поступит с тобою...» Каждая добродетель приближает нас к Богу, но высшее блаженство состоит в том, чтобы зреть Бога, соделать свое сердце жилищем благодати Святого Духа, обителью Бога, как сказал Христос: *приидем и обитель у него сотворим*. А для сего необходимо очистить сердце от страстей. «Как зеркало, – говорит блаженный Феофилакт, – тогда только отражает образы, когда чисто: так может созерцать Бога и разуметь Писание только чистая душа». Есть и милосердые, но сами нечисто живут и потому не узрят Бога. Уж очень засорено наше сердце всякою нечистотою греховною, да и все ли, что есть в нашем сердце греховного, мы видим?.. Вот почему молился царь Давид: *от тайных моих очисти мя*; вот почему еще праведный Иов говорил: *кто чист будет от скверны? Никтоже, аще и един день житие его на земли. От сердца*, – говорит Сердцеведец, – *исходят помышления злая, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, татьбы, лжесвидетельства, хулы. Сия суть, сквернящая человека*. Не убил ты человека, но в сердце пожелал ему погибели: знай, что сие злое помышление Господь называет уже убийством. Тоже разумей о всяком греховном пожелании. Человек смотрит на лицо, а Бог – на сердце, человек судит дела, а Бог и помышления сердечные.

Сыне, даждь Ми твое сердце, – глаголет Господь. А как ты дашь Богу твое сердце, если оно у тебя нечисто, осквернено грешными помыслами и пожеланиями? Скажешь: возможное ли дело – совершенно очистить сердце? – Если Христос Спаситель сего от нас требует, то значит – возможно. Слышишь? Христос говорит: ***Блажени чистии сердцем***. *Невозможная у человека возможна суть у Бога. Вся возможна верующему*. Правда: велик труд и подвиг предлежит тому, кто желает свое сердце очистить, но за то и награда велика: ***яко тии Бога узрят***. Подумайте только: «Если бы, – как говорит святитель Илия Минятий, – святейшее лице Божие на одну лишь минуту сокрылось от очей праведных, то самый рай стал бы для них адом; и если бы оно на одну лишь минуту показалось мучимым во аде, то самый ад стал бы раем». Спросишь: как же сказано: *Бога человеком невозможно видити?* Эти слова означают, что познать Самое Существо Божие для че-

ловека невозможно: но чистые сердцем еще и здесь, на земле, в своем собственном сердце могут узреть Бога, то есть ощутить невидимое благодатное присутствие Божие. Они могут видеть и телесными очами некоторые знамения явления им Бога: так Адам в раю был чист сердцем, и Бог являлся ему и как Отец беседовал с ним. Являлся Бог и Аврааму – в виде трех странников, Моисею в купине, Илии в тихом веянии ветра... Но все сии видения в сравнении с тем, что узрят праведники в будущей жизни, только тени и образы: *видим убо ныне*, – говорит апостол Павел, – *яко зерцалом в гадании, тогда же лицем к лицу*. Тогда *узрим Его, якоже есть*, – говорит апостол Иоанн Богослов. Как велико это блаженство, можно судить по тому, что испытали апостолы на Фаворе: *добро есть нам зде быти*, – говорил за всех их апостол Петр.

А если сие блаженство столь вожделенно, то как достигнуть его? Как очистить сердце от страстей? Бог дал вам для сего Свои благодатные средства: это святые Таинства крещения, покаяния и причащения Животворящих Таин Христовых. Пользуйся сими спасительными средствами, но и сам трудись: в смирении исполняй заповеди Божии, с благоговением читай слово Божие, всячески гони от себя прочь всякое греховное помышление, бей сего супостата всепобедимым оружием – призыванием спасительного имени Господа Иисуса Христа. Сильнее сего оружия не обрящешь ни на небе, ни на земле, как говорят святые отцы, и терпи скорби, какие Бог пошлет, принимай их с благодарением Богу, как целительный бальзам на твои раны греховные. Трудись так и помни, *что Царствие Божие с усилием*, с самопонуждением *берется*, что оно не *приходит с соблюдением*. Господь придет к тебе – тебе неощущающему, как говорит преподобный Исаак Сирин, но только тогда, когда место для Него в сердце твоем будет чисто, а не скверно. Когда же очистишь свое сердце от всего греховного и соделаешься, по выражению преподобного Варсонофия Великого, «миротворцем собственного сердца», тогда ты можешь и других уже легко умиротворять, и враждующих примирять. Вот почему Христос Спаситель после ублажения чистых сердцем ублажает и миротворцев: ***Блажени миротворцы***...

Он Сам, Господь наш, для того и на землю пришел, чтобы примирить Божию правду с Божиим милосердием, чтобы утолить праведный гнев Отца Небесного на грешных людей. Поэтому Сам Он, Единородный Сын Божий, есть великий Миротворец, *Начальник мира*, как называет Его древний пророк. *Кровию креста Своего Он умиротворил все: и земное, и небесное*. Посему блаженны миротворцы, которые хранят совесть свою в мире с Богом и с ближними, которые сами первыми ищут примирения и молятся за врагов своих, которые *с ненавидящими мира* желают быть в мире, подобно пророку Давиду, боясь и слово лишнее, ненужное вымолвить, чтобы ближнего им не оскорбить.

Блаженны те, которые молятся Богу о мире всего мира, которые примиряют враждующих между собою, водворяют всюду мир и любовь. Блаженны те, которые обращают грешников к покаянию, примиряя их с Богом и с собственною их совестью, блаженны те, которые неверующих обращают к вере православной, непослушных чад Церкви – раскольников и сектантов примиряют со своею Материю Православной Церковью. Все сии миротворцы подражают Самому Сыну Божию, Господу нашему Иисусу Христу. Вот почему Он и обещает им столь высокую честь: ***яко тии сынове Божии нарекутся***, не по имени только, но и воистину будут сынами Божиими по благодати. *Видите*, – говорит возлюбленный апостол Христов Иоанн Богослов, – *какову любовь дал есть Отец нам, да чада Божия наречемся и будем*. Что можно больше этого дать человеку? Чего выше этого может желать себе и сам человек?..

ТРОИЦКИЕ ЛИСТКИ.
ТОЛКОВАНИЕ НА
ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ.

(печатается в сокращении)

Об отношении к ближнему

Каждый человек видит в других то, что в опыте духовном познал о себе самом, поэтому отношение человека к ближнему есть верный показатель достигнутой им степени самопознания.

Кто на себе познал, с одной стороны, какой глубины, какой силы могут достигать страдания человеческого духа, отлученного от света истинного бытия, и с другой, — что есть человек, когда он в Боге, тот знает, что каждый человек есть непроходящая вечная ценность, большая, чем весь прочий мир; он знает достоинство человека, знает, что дорог пред Богом каждый «*единый от малых сих*» (Мф. 25, 40), и потому никогда даже внутренне не помыслит убийства, не позволит себе вредить ближнему или хотя бы оскорбить его.

...Дух Святый как Дух и Свет Истины в какой-то мере живет в каждом и просвещает каждого человека, и тот, кто пребывает в благодати, тот и в других видит ее, а кто не чувствует в себе благодати, тот и в других не видит ее. По тому, как воспринимает человек ближнего своего, можно судить о мере благодати, которую он носит в себе: если человек в брате своем видит присутствие Духа Святого, то это значит, что и сам он имеет большую благодать, а если кто ненавидит брата своего, то это значит, что сам он одержим злым духом.

Преподобный Силуан Афонский

Человек Божий

Блаженной памяти схиархимандрита Виталия посвящается

Беседа 28

Из воспоминаний игумении Веры.

Густынский женский монастырь, Черниговская обл.

Имя ему – любовь

Духовный опыт – самое совершенное и драгоценное сокровище, которое имеет человечество. Этот опыт намного важнее для людей, чем достижения науки или великие произведения искусства и литературы. Последние развивают ум, чувства, а первый – развивает душу.

Православие всегда очень ясно понимало огромное значение духовного опыта, о чём говорят жития святых, поучения отцов Церкви, постоянные издания и публикации на эту тему.

Каждая крупица духовного опыта драгоценна, но его значимость во сто крат возрастает, когда это живой опыт, когда он передаётся из рук в руки. Вот почему так радует издание книги о нашем духовном наставнике – отце Виталии.

Имя ему – любовь. Это не красивая фраза и не метафора. Это то состояние души Божьего человека, которое мы, его духовные чада, видели постоянно и учились ему при каждой нашей встрече из года в год...

Одно дело прочитать про любовь, другое дело – видеть эту любовь, видеть своими глазами, как можно любить весь мир.

Отец Виталий любил всех. Для него не было плохих людей. Да, конечно, он обличал, он научал – но он любил! Причём любил всех – и хороших людей, и плохих (с нашей точки зрения). Он всем и всему находил оправдание и объяснение. Воистину: «Для чистого – всё чисто!»

Можно повторять до безконечности: он всех любил!

Но как выразить свои чувства и какие найти слова, чтобы ярко и убедительно передать великое, всеобъемлющее чувство любви, которое всех согревало, оберегало, утешало, которое всегда ярко горело в сердце нашего дорогого и любимого духовного наставника и учителя – незабываемого отца Виталия?!

Приезжая к нему на Кавказ, мы, молодые послушницы, ревностно ловили каждое его слово, каждый взгляд... И не было случая, чтобы он кого-то выделил особо, кому-то отдал предпочтение.

Отец Виталий видел не только выражение наших лиц, но и каждое малейшее движение наших чувств. Он всегда знал, видел и чувствовал,

кто в данный момент наиболее нуждается в его участии и утешении, к кому нужно подойти, сказать ласковое слово, погладить по голове...

Случалось, уедешь домой с тяжелым сердцем – кто-то не так посмотрел, что-то не так сказал. Молоды были... Приезжаешь домой, а там уже дожидается письмо от о. Виталия. Иногда казалось, что письмо написано и отправлено раньше поездки на Кавказ. С нетерпением разрываешь конверт, читаешь: «Не скорби. Всё хорошо. Благословляю...» И вся тяжесть сходит с тебя как утренний туман от ясного солнышка.

Дорогой наставник! Знай, что посеянные тобою семена взошли. Мы храним огонь твоей любви и несем его дальше.

«Пойдём, ты будешь с нами!»

Когда я познакомилась с отцом Виталием, первое, что он мне сказал: «Пойдём, ты будешь с нами!»

С каждым годом эта фраза наполнялась для меня всё большим и большим смыслом и содержанием.

Сейчас, по прошествии двадцатилетнего духовного окормления у о. Виталия и после кончины моего духовного наставника, я вспоминаю эту фразу как путеводную звезду, как духовный указатель на моем жизненном пути, как то, к чему готовил меня отец Виталий все эти годы...

И сейчас я продолжаю воспринимать эти слова, как духовный указатель, потому что снова и снова нахожусь в дороге – на безконечном пути духовного обучения и совершенствования...

Познакомилась я с о. Виталием в Троице-Сергиевой Лавре. Точнее, в уютном домике архимандрита Иннокентия (Просвирнина), который находился около Лавры.

Отец Виталий в то время жил у отца Иннокентия (после операции). Рядом с ним, как всегда, находилась матушка Мария (схиигумения Серафима).

Невозможно говорить про отца Виталия и не вспомнить про мать Марию, которая была верной сподвижницей Батюшки, его ангелом хранителем. Матушка Мария – высокая и на вид очень строгая. Но какой же она оказалась доброй и ласковой!

Сколько было задушевных бесед тихими вечерами, полезных поучений...

В первые наши встречи с о. Виталием мы, новоначальные, сидели молча, только глазами водили туда-сюда, слушая высказывания старых и опытных на духовном пути. И здесь, в Загорске, как потом в Тбилиси, центром притяжения всегда оставался отец Виталий.

Батюшка обладал непередаваемой силой притяжения. Видимо, это и была та сила всепоглощающей жертвенной любви ко всем людям без исключения, которую

чувствовали абсолютно все, кто попадал в поле его внимания.

Особенно много говорил о. Виталий о послушании и о смирении, считая их главными на пути духовного совершенствования. Часто приводил слова святых отцов о том, что если взять подвижника в пустыне и послушника у старца, то последнему больше воздастся, нежели первому. Ибо подвижник хоть и подвизался, но по своей воле. А послушник, отсекая свою волю, делал все только по послушанию.

Но все-таки главной темой духовных бесед о. Виталия во все годы нашего у него духовного окормления была любовь. Как он старался, как хотел научить нас хотя бы частичке той великой любви к Богу и людям, которой обладал сам.

Он очень часто повторял нам слова, которые запомнили и хорошо знают все его духовные чада: «Полюбите ближнего и вы полюбите Христа!»

И когда о. Виталий возвратился в Тбилиси, мы все, как лучики за солнышком, потянулись за ним на Кавказ.

Вразумление

В то время я жила и работала в миру. По образованию и занимаемой должности была довольно обезпеченным человеком. Могла позволить себе множество разнообразных нарядов.

Как-то Батюшка спросил меня: «И сколько там у тебя платьев висит? Наверное, штук двадцать будет?» Я подумала и отвечаю: «Да, точно, около двадцати».

Тогда отец Виталий стал говорить со мной о недопустимости стяжания и излишеств, о скромности и сдержанности в одежде. Да и не только в одежде. Скромность и сдержанность, говорил он, постоянно должны присутствовать и в поведении, и во всем внешнем виде.

Батюшка особенно подчеркивал, что внешний вид человека очень сильно связан с его внутренним состоянием.

«Как можешь ты усмирить свою гордыню, если ты такая нарядная и красивая, прямо лучше всех! – говорил о. Виталий. – А сколько у тебя нарядов, попробуй кто-нибудь за тобой угнаться. Где же тут отыскать местечко для смирения? Получается одна гордыня и самолюбование».

Когда Батюшка обличил меня с моими многочисленными нарядами, мне стало немного не по себе. Да и трудно сразу переделать себя и перестроиться на другое восприятие жизни.

А Батюшка эту назидательную беседу закончил так: «Вот я сейчас в чём стою, в том и пойду на службу!» И скоро с кем-то на машине уехал в храм Александра Невского. Мы же все поехали на службу на метро.

В храме я стояла перед алтарем и вдруг увидела через слегка приоткрытую дверь отца Виталия. Он был еще пока в одном подряснике. Но туфли на нем (я сразу обратила на это внимание) были новые, черные, лаковые, такие блестящие и просто скользят по полу. Батюшка пройдет мимо приоткрытой двери, скользнет туфлями по ковру и прямо, мне кажется, приподнимается в воздух. Я свою напарницу Нину дергаю за руку, мол, посмотри, как Батюшка в алтаре скользит...

«Надо же, какие у Батюшки новые и блестящие туфли, – думаю я. – Он так в них скользит, даже немного подлетает...»

Я вспомнила, что у меня тоже есть несколько пар хороших лаковых туфель со скользкой кожаной подошвой, но чтобы так парить... Я была в недоумении – такого я никогда не видела! Но тут Батюшка показался уже в священническом облачении, и началось Богослужение.

После службы о. Виталий и другие гости пошли к Владыке Зиновию на трапезу. Мы ждали Батюшку во дворе. Были здесь и другие люди, которые ждали и Владыку, и Батюшку.

Когда от Владыки все вышли, я сразу отыскала глазами о. Виталия и все свое внимание направила на его туфли, ожидая увидеть те, что были на нем в храме, в которых он скользил по алтарю и даже немного пролетал по воздуху...

На ногах у Батюшки были обычные, привычные нам всем, простые туфли. Я просто не знала, что думать и как всё увиденное объяснить.

И только со временем начала понимать, что таким образом мне была показана духовность моего учителя и наставника...[1]

Записочка с вопросами

Собираясь в очередную поездку к отцу Виталию, я всегда писала записочку, что именно нужно у него спросить, о чём посоветоваться, что рассказать. Все эти вопросы – как духовные, так и житейские – были наболевшие, которые мучили меня, нуждались в разрешении и совете духовного наставника.

По приезде сразу подойти к отцу Виталию со своей записочкой иногда не было возможности. Вокруг него всегда люди, шли общие беседы. А то вдруг спустятся к нему с гор отцы или матушки (монахи или монахини) для разрешения своих вопросов. Тогда о. Виталий надолго уединяется с ними в отдельной комнате.

Мы иногда видели православных грузинских монахинь, монастырь которых находился высоко в горах. Время от времени они спускались с гор в город по своим делам. Они шествовали медленно и величественно, ступая друг за другом, как привыкли ходить в горах по узким горным тропинкам. Одежда на них была из ткани необыкновенной черноты, как глубокая, темная южная ночь. Апостольники оставляли открытой только небольшую часть лица. Все монахини были высокие, стройные, красивые. Выражение лиц непроницаемо, глаза опущены вниз. Они шли по улицам отстраненно, как бы пришельцы с иного мира, и люди невольно расступались перед ними, уступая дорогу этим таинственным и непонятным служительницам Всевышнего Бога.

Вокруг о. Виталия всегда люди, каждому он что-то говорит, отвечает на вопросы, советует. Осо-

---

[1] За молитвы духовного отца последовало таковое вразумление: было показано, ЧТО есть смирение. Это – прекраснейшая из всех одежд: кто возделывает в душе своей добродетель смирения, дорожит ею, того облекает в неземную красоту Сам Господь. А гордый человек, как бы ни украшал себя внешне, все равно остается «*и жалок, и нищ, и слеп, и наг*» (Откр. 3, 17) *(прим. ред.)*.

бенно, если это какие-то общие вопросы. Для личных, сокровенных бесед о. Виталий всегда находил время и уединение.

А я ношусь со своей записочкой, не зная, куда её положить, чтобы не потерять и чтобы она всегда была под рукой, жду удобного случая, когда будет возможность поговорить с Батюшкой. Мои вопросы, записанные на бумаге, доставляют мне столько тревог, волнения, беспокойства... И вот в какой-то момент раскрываю записочку, чтобы в очередной раз перечитать свои вопросы. И тут оказывается, что мне уже не о чем спрашивать. На все свои вопросы я уже получила исчерпывающие ответы, когда о. Виталий говорил с другими.

И становится даже как-то странно и непонятно: как эти мои проблемы и вопросы могли так беспокоить и волновать меня?!!

Теперь на душе у меня мир и покой, точнее – умиротворение...

А было и так... Сделаешь что-то такое, что тебя мучает. Понимаешь, что поступил нехорошо. Но прежде, чем обратиться к Батюшке, лихорадочно ищешь себе какое-то оправдание или объяснение случившемуся – то обстоятельства так сложились, то человек нехороший встретился... И тут же слышишь, как о. Виталий обращается ко всем: «Всегда и во всём судите только себя. Не смотрите по сторонам, на кого бы свалить вину. Ни люди, ни обстоятельства не виноваты, а виноваты только вы сами. Вот себя и судите!» И думаешь тогда: ко мне лично он обращается или же есть и другие вокруг Батюшки с такими же мыслями?

Пойдешь, помолишься, покаешься... И на душе свежесть и чистота, как после весеннего дождика. Снова то прекрасное чувство, которое называется – умиротворение.

Вспоминаю годы общения с о. Виталием как светлый и радостный праздник. Славлю Бога за Его благоволение ко мне – за то, что в моей жизни, на моем жизненном пути был такой замечательный духовный наставник и учитель...

Небесное и земное

Отец Виталий, как всегда, сидит на полу. Мы все вокруг него – не спускаем с него глаз, ловим каждое слово. Отец Виталий говорит о духовном и тут ему нет равных. Мы задаем вопросы, о. Виталий отвечает, комментирует, приводит примеры, поучает...

Но тут приходит какая-то местная женщина, работающая где-то в храме. Она садится у ног о. Виталия и, безцеремонно перебивая нашу возвышенную беседу, начинает задавать ему свои довольно-таки бытовые вопросы по работе храма: тот поступил так, а другой – не так, тот взял не то и сделал по-своему – обычные повседневные церковные дела, иногда небольшие конфликты и недоразумения.

Отец Виталий слушает женщину очень внимательно, во все вникает, на все вопросы обстоятельно отвечает. А мы, присутствующие здесь, должны все это слушать. Помню, я именно так и подумала: «Ну, надо же! Пришла, перебила нашу возвышенную, духовную беседу, начала говорить о своем – причем всём таком бытовом, земном. Зачем мы все это должны слушать?» И только спустя время поняла «зачем»...

Ежели будете в людях видеть Христа, тогда везде вы будете в раю, а ежели осуждать, отчуждаться, не терпеть, быть холодным, тогда везде [будете] на великое горе и погибель.

Себя всегда и во всем упрекайте, виноватыми себя считайте, а не людей. Если осудили – в лице людей Христа осудили. Каясь, мало-помалу научитесь терпеть, прося у Бога помощи.

Из писем схиархимандрита Виталия

Многие годы я была регентом в соборе и в этом же городе работала экономистом на большом предприятии. Но вот пришло время, когда я перешла работать в храм, где выполняла сразу очень много обязанностей: регент, певчая, псаломщица, бухгалтер, кассир, преподаватель воскресной школы и т.д. Вот тут-то я и столкнулась со всеми теми бытовыми (земными) вопросами, которые когда-то работающая в церкви женщина задавала о. Виталию. А он не только подробно и обстоятельно отвечал на эти вопросы, но и нас заставлял слушать свои ответы, потому что знал, что это тоже нам пригодится.

Тогда-то, работая в храме, как только у меня возникал подобный вопрос или конфликтная ситуация, я вспоминала о. Виталия и уже знала на этот вопрос ответ, и знала, как поступить в той или иной ситуации... И при этом всегда благодарила Батюшку.

Благословение ехать поездом

Отец Виталий помогал нам и спасал нас, своих духовных чад, не только своими молитвами. Своими благословениями поступать так, а не иначе, он тоже спасал... Сколько было случаев, когда он уводил своих духовных чад от несчастий и бед. Об этом многие рассказывали и писали.

Но насколько больше было таких случаев спасения благословением, о которых мы даже не знали и не подозревали! Спасало нас только послушание.

Обычно мы прилетали к о. Виталию в Тбилиси из Киева самолетом. Так же возвращались назад. У каждого из нас была работа, обязанности. Времени, как всегда, было в обрез. Поэтому у нас брали паспорта, когда мы приезжали, покупали билеты на самолет на нужное число и отправляли нас домой в свое время.

Но однажды о. Виталий вдруг благословил нас ехать поездом. Мы взмолились: поездом ехать почти двое суток, а самолетом – два часа. Но Батюшка был непреклонен, сказал – поедете поездом.

Мы же, как обычно поступает нетерпеливая молодежь, начали доказывать, что спешим на работу. Поезд из Тбилиси в Адлер прибывает в 7 часов утра, потом наш киевский вагон отцепляют, загоняют в тупик и только в 7 часов вечера состав отправляют на Киев. Что мы целый день будем делать в Адлере, когда через два часа могли бы быть уже в Киеве?

Отец Виталий стал по-отечески нас увещевать, объяснять, что нам представляется редкая возможность искупаться в море. Целый день в Адлере – целый день у моря! «Вы представьте, какая там благодать! – объяснял нам, как маленьким детям, о. Виталий. – Сколько рек протекает мимо монастырей и храмов, сколько молитв произносится на берегах этих рек! И все благодатные воды этих рек впадают в море. Вот почему морская вода такая благодатная. Искупаетесь в море, – благословил нас о. Виталий, – и поедете себе спокойненько домой».

Сейчас трудно даже предположить, что нам могло тогда помешать «спокойненько» попасть домой, если бы мы полетели самолетом.

Но причина, по всей вероятности, была довольно веская, потому что о. Виталий так и не позволил нам лететь. А он никогда ничего не делал без особого на то основания.

Больше с нами этот вопрос никто не стал обсуждать. Взяли билеты на поезд – и всё. Если вы послушницы – значит, обязаны слушаться.

В Адлере мы действительно пошли к морю. Оно было совсем недалеко от того места, где стоял наш вагон. Было очень жарко. С вагона мы вышли в халатиках. Да так и вошли, по благословению отца Виталия, в прохладные, благодатные морские воды.

«Да, – говорили мы, – о. Виталий прав – море действительно благодатное».

Потом мы спокойно доехали до Киева поездом – и тут о. Виталий оказался прав...

Сумка с продуктами на дорогу

Приходится повторять то, что уже говорили другие. Действительно, людей к о. Виталию приезжало очень много. Действительно, всех встречали, кормили (и не только духовной пищей), отправляли назад не с пустыми руками.

Вот и мы прилетели из Киева в Тбилиси в очередной раз. Прошло время, и мы собираемся уезжать. Паспорта и билеты на самолет нам уже вручили. Накормили обедом. Теперь м. Серафима складывает нам в сумку продукты на дорогу. Лететь от Тбилиси до Киева всего два часа. Часов в 5 вечера мы рассчитываем быть уже дома. А матушка кладет в сумку хлеб, десяток вареных яиц, большой кусок брынзы, полтора десятка огромных помидоров...

Я не могу удержаться: «Матушка, зачем вы столько продуктов накладываете? Мы хорошо пообедали, вечером будем уже дома. Зачем такую тяжелую сумку напрасно носить за собой?» Именно этот вопрос волнует меня больше всего – сумка получается такая тяжелая...

Но м. Серафима совершенно меня не слушает или даже не слышит. Сверху она еще добавляет персики, другие южные фрукты. Сумку закрывают, вручают нам и отвозят нас в аэропорт.

И вот мы сидим в аэропорту и ждем объявления о посадке в самолет на Киев. Один раз объявили, что рейс задерживается на пару часов, просят не расходиться. Другой раз такое же объявление. Мы сидим в аэропорту, как привязанные, ждем посадки на свой самолет. Потихоньку поедаем то, что лежит в сумке.

Вылетаем поздно вечером. В Киевском аэропорту (в г. Борисполе) приземляемся почти ночью. Доедаем остатки продуктов. Домой добираемся только на следующий день.

Монастырь праведного Давида

Часто, когда мы приезжали к о. Виталию на Кавказ, он отправлял нас куда-нибудь по святым местам. И всегда требовал, чтобы эти посещения были не бездумные, все нужно было замечать и запоминать. А после возвращения кто-то обязательно должен был рассказать, где были, что видели, вплоть до того – где и какая икона в храме.

Так однажды мы побывали в Команах, где преставился святитель Иоанн Златоуст. Постояли у источника на месте смерти мученика Василиска. На дне этого источника лежали камешки, покрытые небольшими красными пятнышками и полосочками, напоминающими капельки крови – в знак того, что здесь пролилась святая кровь мученика Василиска.

В этой поездке произошла интересная встреча. Местный житель, которого мы увидели, сойдя с автобуса, согласился проводить нас по святым местам. По дороге он рассказал, что здесь в горах совсем недавно жила одна подвижница, которой его жена приносила пищу. Недавно подвижница скончалась, и они с супругой её похоронили.

Об этой подвижнице мы рассказали отцу Виталию, когда возвратились из своего очередного паломничества к святым местам. Батюшка сказал: «Есть подвижники и в наше время!» А потом повторил слова, которые мы уже хорошо знали: «Сила благодати та же, что и во времена апостольские, все дело в нас самих».

Так однажды мы пошли к монастырю праведного Давида, расположенного в окрестностях Тбилиси высоко в горах (но не на самой вершине, а где-то на склоне).

Нас было человек семь. К монастырю был проведен фуникулер. Но мы, естественно, шли пешком. Дорога была длинная, тянулась серпантином, но она была оборудована: кое-где стояли лавочки с перилами.

Лето. Красота кругом неописуемая. С высоты открывались живописные картины. По пути нам встречались южные деревья и кусты с необыкновенными листьями и прекрасными цветами. Я то и дело обращала внимание своих спутников на все эти горные и тропические красоты. Не только сама всем восхищалась, но хотела, чтобы и другие все это увидели и восхитились...

После возвращения из монастыря праведного Давида отец Виталий сразу же подозвал меня к себе. «Может, расскажешь, что видела?» – спрашивает. Я уже слышала, как это делают другие. Думаю – сейчас расскажу... Но Батюшка не стал меня слушать, только сокрушенно махнул рукой: «И сама не молилась, и другим не давала...»

Изображение Владыки Зиновия

Однажды, когда мы приехали к отцу Виталию уже после смерти Владыки Зиновия, Батюшка отправил нас в Дидубийскую церковь. Гале, с которой мы всегда вдвоем приезжали из Киева, он сказал: «В той церкви, куда вы идете, есть изображение Владыки Зиновия – настенная фреска. Посмотришь внимательно и потом расскажешь мне».

В церковь мы пришли небольшой группой, поставили свечи возле икон, внимательно всё рассмотрели. А Галя пошла искать изображение Владыки Зиновия. Обойдя церковь два раза и не найдя такого изображения, она обратилась к нам с просьбой помочь ей выполнить поручение отца Виталия.

Мы все стали обходить церковь, осматривая каждый уголок и каждый кусочек стены, чтобы не пропустить изображение. Но тоже ничего не находили. Обошли церковь раз, второй, третий... Изображения Владыки Зиновия нигде не было. Да и вообще никаких фресок не было на стенах церкви, которая была сложена из монолитных каменных глыб, как это принято в Грузии.

Не зная, что делать дальше, мы пошли к выходу. И тут только, на выходе из церкви, за строительными лесами, увидели входную широкую арку, на внутренней стороне которой были изображены все патриархи Грузии, в том числе и Владыка Зиновий.

А в церковь мы вошли, оказывается, почему-то через боковой вход и кружили по ней, запомнив не только все иконы, но и каждый камень на стене. Так Батюшка учил нас быть внимательными, воспитывал наблюдательность, постоянно научал нас не только смотреть, но и видеть...

К слову, как-то о. Виталий рассказывал мне, как выглядит пароход, какие там каюты, рубки, капитанский мостик. Он так подробно всё описал, что мне показалось, что я тоже побывала на пароходе и всё это увидела. Только в конце разговора Батюшка с легкой улыбкой заметил: «Жаль, что я сам никогда не бывал на пароходе!»

Один раз, когда мы все становились на молитву, о. Виталий уложил Галю на кровать и не разрешил ей подниматься. «Нет-нет, ты лежи, не поднимайся. Тебе нужно лежать». Чуть больше чем через полгода Гале сделали операцию. Сейчас она игумения Георгия – настоятельница монастыря в России.

«Сегодня – ученики, завтра – учителя»

Отец Виталий часто свои беседы заканчивал примерно такими рассуждениями: «Я говорю всё это вам не только для того, чтобы вы лично чего-то достигли на духовном пути и бережно хранили всё, полученное здесь, в тайниках своей души. Нет и еще раз нет! Всё это вы должны будете нести дальше и передавать другим».

Поэтому Батюшка постоянно учил нас не только смотреть, но и видеть; не только слушать, но и слышать. Об этом есть множество примеров, некоторые из которых (о посещении святых мест) я позволила себе рассказать.

Отец Виталий говорил: «Будьте рядом, живите с нами, смотрите и слушайте...» И снова повторял свою мысль: «Сегодня вы ученики, завтра – учителя!»

«Только никогда не забывайте о том, – наставлял нас Батюшка, – что говорил преподобный Серафим Саровский об учениках и учителях». И разъяснял нам мысль преподобного Серафима: излагать заповеди, учить других нравственным законам христианства всё равно, что камни с горы катить. А вот самому следовать этим законам и заповеди исполнять всё равно, что камни на гору тащить. «А можно сказать – с колокольни на колокольню, – иногда уточнял о. Виталий. – Ведь там, где подвизался преподобный Серафим, моих любимых гор не было».

Служение живым словом – вот основное дело и призвание отца Виталия, которому он отдавал все свои силы. Он доносил до сердца своих собеседников спасительные слова Священного Писания, духовные наставления святых отцов, а также советы и примеры, проверенные своей личной многострадальной и многоскорбной жизнью. Все свои поучения («все камни») Батюшка сам со слезами, п=отом и кровью втащил на вершину своей духовности и теперь имел полное право отдавать их другим.

Духовный подвиг отца Виталия, его служение ближним «живым словом назидания» – было его призванием Божиим, и было для него источником радости и утешения.

И это духовное служение схиархимандрита Виталия не прекратилось с его кончиной. Поучения Батюшки о духовной жизни христианина мы, его духовные чада, «несем дальше и передаем другим».

Благословение на игуменство

В те годы, пока мы жили вдвоем с мамой, я работала в миру, была регентом в храме, продолжала ездить на Кавказ к о. Виталию.

Нам с мамой было хорошо, и когда она отошла ко Господу, я в очередной раз поехала к о. Виталию, но уже за благословением об уходе в монастырь.

Теперь я ни на минуту не сомневалась, что Батюшка меня благословит.

И в ответ опять слышу краткое и категоричное: «Нет благословения!»

Этот отказ я пережила трагически.

Через полгода после этого, по благословению Владыки Зиновия и о. Виталия, я полностью перехожу на службу в храм.

Работая в храме, я продолжала ездить к о. Виталию, но вопрос о монастыре я больше не поднимала. С тех пор, когда я в первый раз просила у Батюшки благословения в монастырь, прошло довольно много времени.

После этих долгих лет в какой-то момент наш местный Владыка приглашает меня к себе и благословляет на игуменство.

Еду к отцу Виталию за благословением...

И мой духовный наставник говорит мне: «Бог благословит! Воля Владыки – это воля Божия!» Только тогда я поняла, почему о. Виталий не пускал меня в монастырь…

Это последнее благословение от о. Виталия я получила в сентябре 1992 года, а 1 декабря 1992 года наш духовный учитель отошел ко Господу.

Когда о. Виталий провожал меня на новое послушание, время было неспокойное: сообщение нарушилось, поездки стали проблематичными, письма не доходили… и я всё время возвращалась к этому, очень волнующему меня вопросу: «Батюшка, как же теперь мы будем с Вами общаться?! Как же я теперь смогу получать от Вас благословения, наставления, советы?!»

А он всё успокаивал меня, будто старался защитить и ласково обнять меня своею великою любовью…

На прощанье схиархимандрит Виталий сказал мне фразу, которая, как и первая, сказанная Батюшкой при нашей первой встрече, наполнена для меня величайшим смыслом и содержанием: «Ты не волнуйся, у нас и общение, и сообщение с тобой будет всегда!..»

В продолжение десятилетия, прошедшего со дня кончины схиархимандрита Виталия, постоянно обращаюсь к нему и теперь, особенно в нелегкие минуты моих тяжелых и радостных игуменских трудов, как привыкла это делать на протяжении двадцати лет.

И всякий раз снова и снова убеждаюсь, что Батюшка опять оказался прав: последние слова, сказанные им мне, постоянно сбываются. «Ты не волнуйся, – сказал он мне на прощание, – у нас и общение, и сообщение с тобой будет всегда!»

Так оно и есть.

Из писем схиархимандрита Виталия

Возлюбленные радосте наши!

В городе С. живет семья, отец которой вечерами до полуночи читал святые книги, а детей заставлял слушать. Собрались (однажды) все дети – они уже были взрослые… Отец заплакал и сказал:

– Дети! Чему я вас научил? Нет у меня мудрого слова!.. Нет у меня мудрости, и не смог я вас научить добру!..

А дети все встали и сказали отцу:

– Смотри, папа, чему ты нас научил.

Он, не понимая, смотрел на них. Тогда один сын говорит: «Я иеромонах». Другой: «Я протоиерей». Третий: «Я монах». Дочь: «Я монахиня».

– Это Вы, отец, научили нас.

Отец ответил:

– Как я мог вас научить сей святой добродетели, будучи малограмотен?!

Дети сказали:

– Папа! Вы всегда читали святые книги, а мы слушали – и вот научились… мы поняли, что без Бога – всем беда… узнали суету и невзгоды жизни и пошли служить Господеви с покаянием.

Читайте святые книги и вы – и узнаете оттуда мудрости учения, прощения согрешений, козни врага, научитесь презирать мир со всеми его превратностями, научитесь отсекать свою волю, полюбите молитву, молчание, послушание, украситесь добродетелями ко спасению.

…Усердно молитесь, отсекайте своеволие, терпите, любите, не ссорьтесь. Надобно помногу читать «Богородице Дево…», Иисусову молитву – весь вычит в сем заключается, часто причащаться – и боязни пройдут. А что есть небыстрота речи – это не порок.

Возлюбленные радосте наши!

В Гефсиманском саду Господь рек: «*Молитеся, да не внидете в напасть. Дух убо бодр, а плоть немощна. А яже вам глаголю – всем глаголю: "молитеся"*».

Вы же всегда читайте во всякое время и при всяких делах: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного (грешную)». Читая молитву, человек пребывает всегда с Богом, Который благословляет, утешает, спасает, хранит, бдит, украшает добродетелями и в Небесные обители водворит. Ему слава подобает. Аминь.

Ежедневно детей благословляйте, берите Святую икону и все стороны благословляйте.

В.! Почему не слушаешь папу, маму? Слушай и будь благословенна Богом и всеми небесными и земными благами.

Всегда так говори: «Господи и Божия Матерь, молитвами святых отец, родителей и всех о мне молящихся помоги мне и пошли вс□ нужное для спасения». Господь знает, что надо нам, а будем просить у Него помощи – и обрящем благодать.

Дай, Господи, всем мир, любовь, единомыслие, успехи, многолетие, утешение и вечное спасение.

О ЛЮБВИ И ЕДИНОМЫСЛИИ

Часть 4

Вопрос: *От каких страстей рождаются конфликты между людьми?*

Ответ: Все смущения: и нарушение нашего душевного мира, и непонимание друг друга, и серьезные разногласия, споры и всё, что за ними последует, в основном происходят от нашего эгоизма. В миру обычно говорят: «Конфликтный человек». Такое определение в переводе на духовный язык обозначает, что этот человек просто очень эгоистичный.

Вопрос: *Что значит «эгоистичный»?*

Ответ: Самолюбивый, гордый, не уважающий других людей – в чем и заключается его неразумие и глупость. Такой человек ищет угождения только своему «я». А в результате приносит страдания не только другим, но и самому себе – и во временной жизни, и в вечности. Он не имеет жертвенной любви, не хочет пожертвовать собой ради кого-то или ради чего-то. Он только хочет, чтобы РАДИ НЕГО кто-то жертвовал чем-то – ради его выгоды, ради его хотения, ради исполнения его желаний. А свои интересы отсечь он не намерен, не хочет и не желает – и не делает того, что бы мог сделать для блага своих ближних. В этом проявляется эгоизм во взаимных отношениях среди нас в повседневной деятельности. Такой (самолюбивый, гордый, конфликтный) человек уподобляется шестеренке в машине, которая вдруг не захотела работать в нужном направлении, а уперлась рогом: «А я – не буду!» Тогда этим упорством она и других ломает, и ее потом ломают.

Но чтобы не говорить много на эту тему, лучше всего почитать наставления Старца Паисия Святогорца. Старец очень хорошо говорит и об эгоизме, и о так называемой «фабрике злых помыслов», и о возделывании помыслов добрых, и о жертвенной любви, и

о многом другом. У него, мне думается, настолько всё хорошо преподано, что нам нет нужды повторяться.

Хочется только отметить одно. Если мы склонны к гордому обособлению, упрямству, высказыванию недовольства всеми, то уже есть серьезный повод задуматься над здоровьем своей души.

Вопрос: *Какое место занимает ропот во взаимных стычках? И что это такое вообще?*

Ответ: Это такой своеобразный «винегрет»: смесь глупости с неверием, гордости с нетерпением, ненависти со сластолюбием, мнительности с неблагодарностью, оклеветания со злопамятством и т.д. Одним словом, это всё полчище страстей под каким-нибудь благовидным «соусом».

Вопрос: *Самость там тоже присутствует?*

Ответ: Конечно. Ропот заквашен на самолюбии. И он очень огорчителен и зловреден.

Человек-ропотник носит в себе некий «трупный яд» – свойство, отравляющее и умерщвляющее в первую очередь душу хозяина, т.е. его самого, а потом отягощающее и мучащее и всех окружающих... У кого-то из Святых отцов сказано, что Господь терпит всякого грешника, но только не терпит ропотника. Ведь ропот – это зародыш богохульства.

Ропотник – это человек, которому никак не подладишь, не угодишь. Где-то приходилось слышать басенку в стихотворной форме на украинском языке, как свекровь бранит свою невестку: дескать, и то не так и это не этак... Невестка спрашивает у нее: «Ну, скажіть же, мамо – як?» По-русски: «Ну, скажите же, мама, как?» То есть добивается узнать, как сделать дело, чтобы свекрови было угодно и приятно. Но злая – «лых=а» – старуха настроена только на ропот:

Лых=у свекруху гнів трясэ:
«Не знаю "як", не так – и всэ!!!»

Вот такая упёртость. Подобные люди, к сожалению, не понимают, что и себя мучают, и ближних, и Бога гневят.

Вопрос: *Это может войти в привычку?*

Ответ: Конечно. Приходилось как-то беседовать с одним челове-

ком – психолог он, который много работал с людьми. И вот он говорил, что есть категория людей, которые всё видят в черных тонах. Абсолютно всё. Например, даришь ему розы – он: «Убери!.. Они колючие, колются!..» Угощаешь – он обязательно к чему-нибудь придерется, скажет: «Фу!.. невкусно... несъедобно...» Предложишь: «Пойдем, погуляем» – он: «Еще чего не хватало! Там неподходящая погода!»... То есть изо всех обстоятельств извлекает только одни ропотливые мысли и чувства. И что самое скорбное – он к этому привык, это ему нравится... Старец Паисий Святогорец приводил такой пример: «Знаю одного монаха на Святой Горе. Если начинается дождь, и ты скажешь ему: "Снова пошел дождь", то он начинает: "Да, все льет и льет, скоро сгнием от этой сырости". Если дождь прекратится, и ты скажешь ему: "Дождик прошел", то он ответит: "Да разве это дождик? От таких дождей все засохнет!" Нельзя сказать, что у этого человека не в порядке с головой – просто он привык быть ропотливым. Человек находится в здравом уме, а мыслит как безумный».

...Потому и приходится с сожалением констатировать, что ропотники – это очень жалкие люди...

Вопрос: *А как избавиться от ропота?*

Ответ: Поскольку ропот получает предпосылку от обольстительно-приятного чувства обиды, то, прежде всего, нужно осознать это душепагубное состояние и возжелать от него освободиться. Без такого осознания человек-ропотник никаких советов принимать не будет. А кто осознает и пожелает избавиться от обидчивости и ропота, то надежда на избавление есть. Врачуется же это поэтапно.

Во-первых, человек должен избавиться от неверия. Потому что тот, кто ропщет, не верит, что Господь есть Господь-Вседержитель, что Он держит Своей властью всех людей, всех бесов и все обстоятельства нашей жизни. Он не верит также тому, что спасение нашей души совершается не во время всестороннего покоя и наслаждения, а во время скорби и искушения (т.е. различных испытаний на верность заповедям Христовым). Не верит и тому, что Господь выше сил искушений не попустит.

Потом нужно избавиться от неразумия (т.е. от плотского мудрования). То есть научиться понимать, что если Господь нам попускает какие-то скорби, то это для нашего же блага, т.к. они служат для нас врачевством. Хотя они горькие и неприятные, но мы должны их принимать как горькое лекарство со смирением и даже благодарением. Но если не получается пока с благодарением, то хотя бы со смирением, без ропота. Мы должны усматривать в человеке, который приносит нам оскорбление, нашего благодетеля. В том смысле, что через него Господь устраивает нам наше спасение: очищение от грехов и страстей, наличие которых мы можем и не осознавать в себе.

Так постепенно необходимо начать учиться духовному образу мыслей – как говорит о том святитель Игнатий Брянчанинов. И вот когда человек усвоит себе духовный образ мыслей, тогда он избавится от ропота, а пока он не приобретет его, он будет пребывать в страстях и удобопреклонности к ропоту – то есть в плотском, греховном устроении.

А учиться этому нужно целенаправленно и долго, т.к. механически, «сам собой», этот духовный разум не приобретается – даже если мы будем жить среди святых. Известно много случаев, когда людям с детства выпадало счастье близко общаться со старцами. Но, часто общаясь с ними, таковые по нерадению и неразумию (т.е. невнимательности к духовной жизни) не усвоили себе сути христианской жизни, а потому и в дальнейшем не проявляли в своих словах и поступках духовного образа мыслей. В основном все их разговоры сводились к осуждению, злословию и ропоту на всех и вся. А потом они еще и удивлялись: «Как всё плохо! Молитвы нет, умиления нет и никакой радости в жизни нет!» Да, действительно: ведь ропот – это путевождь к отчаянию и погибели.

Старец Паисий говорит: «В ропоте присутствует проклятие, человек ропщущий все равно что проклинает себя, и потом к нему приходит гнев Божий», – вот как даже сказал. Так что ропот это страшное дело – избави, Господи, всех нас от него.

И, конечно же, говоря о способах избавления от ропота, нельзя не упомянуть о навыке быть благодарным Богу за всё.

«Ропот имеет причиной чувство собственного злополучия, – говорит Старец Паисий, – а прогнать его можно славословием Бога. Ропот рождает ропот, а славословие рождает славословие. Если человек, встретившись с трудностями, не ропщет, а славит Бога, то диавол лопается от злости и идет к другому – к тому, кто ропщет, чтобы причинить ему еще большие неприятности. Ведь чем сильней человек ропщет, тем сильнее он себя разрушает. Иногда тангалашка [т.е. бес] окрадывает нас и учит нас не быть довольными ничем, тогда как все, случающееся с нами, можно иметь с духовной радостью и славословием и иметь благословение Божие».

К сожалению, очень часто мы не благодарим Бога ни за большое, ни за малое – считаем, что так и должно быть. Нам хочется все больше и больше, а неблагодарная душа теряет и то, что имеет.

Был у нас как-то на эту тему один яркий пример. В селении, в которое мы приходили с гор и ос-

> Знамение неблагодарности есть нетерпение и роптание в бедах, потому что бедами нас хочет Бог исправить и к Себе привлечь, — за что подобало бы от сердца благодарить Бога, так милостивно о нас промышляющего.
>
> Нетерпение и роптание в напастях не иное что, как хуление...
>
> *Святитель Тихон Задонский*

танавливались на ночлег, жил некий старый человек. Он был больной – горбатый, согнутый, небольшого роста (у него был туберкулез позвоночника). Но если его спрашивали: «Гриша, как дела?», он неизменно отвечал: «Слава Богу, хорошо! А дальше – посмотрим». Вот как отвечал. А сам жил бедно-бедно. Трое детей у него было, один из детей – калечка... Но пребывал он в постоянном благодушии: «Слава Богу!» – это у него неизменный ответ был. Мы просто удивлялись такому его благодушному восприятию жизни, хотя условия у него были в самом деле трудные. С таким человеком радостно и приятно было общаться.

А вот родной брат этого человека, названный в книге монаха Меркурия «В горах Кавказа» «темнолицым», – тот уже совсем иначе отвечал. Он, когда спросишь у него: «Ну, Александр, как дела?», совсем иначе реагирует. Подумает... посмотрит... что-нибудь, в лучшем случае, скажет замысловатое... а то зачастую – ругань и ропот на всех и вся.

А ведь это качество благодарности человеческой души очень много значит и для сегодняшнего состояния души, и для вечности. Может, не лишним будет дополнить, что вышеупомянутый Гриша незадолго до начала грузино-абхазской войны уехал в Адлер[1] к своему старшему сыну и окончил дни свои в благополучии. А брат его, «темнолицый» Александр, имея хороший дом, пасеку, много крупного рогатого скота – голов около сорока и коз около сотни, но не довольный во время своего благополучия ничем, имел следующую участь. Во время войны весь скот у него отняли. Дом сожгли. Единственный сын, женившись, вскоре насмерть разбился на машине. Невестка стала субботницей. Жив ли он сам или умер – не знаю, т.к., спасаясь от войны, ушел в Сванетию.[2]

Вот такой жизненный пример двух родных братьев, из которого можно наглядно увидеть, ЧТО есть ропот и ЧТО есть благодарность.

Не случайно старец Паисий Святогорец весьма высоко оценивал свойство благодарности: «Думаю, – говорил он приходящим к нему людям, – что одной лишь благодарности Богу за все Его благодеяния и смиренного, с любовию, отношения к Его образам – нашим ближним – достаточно для того, чтобы наша душа была упокоена и в сей, и в иной жизни».

Так что спасение не так уж и трудно.

---

[1] Город Адлер находится в России, примерно в 10 км от границы с Абхазией *(прим. ред.)*.

[2] Высокогорная местность на северной границе Грузии с Абхазией, заселенная малоцивилизованной народностью – сванами *(прим. ред.)*.

История Иоанно-Казанского Сезеновского монастыря

Часть 4

Первой настоятельнице Иоанно-Казанского женского монастыря — Евфимии Моргачевой, пришедшей на смену старицы Дарии, ко времени ее избрания сезеновским сестричеством было около 50 лет. Среднего роста, лицо, покрытое морщинами, было выразительное и ясное; глаза лучились кротостью, смирением, мудростью и любовью.

20 декабря 1853 года Евфимия была пострижена в монашество с именем Серафима, а через 2 года без малого — 22 ноября 1855-го — утверждена игуменией. Инокиня, а затем и игумения Серафима приняла на плечи свои труд, очень тяжелый даже для многих искушенных монастырской жизнью. А она, знавшая эту жизнь лишь внешне, с первых своих шагов по стезе монашеской должна была возводить храмы вещественные, украшая их извне и внутри, приуготавливать келии для насельниц и вместе с тем устраивать сердечные их храмы для новой духовной жизни, устанавливать правила монастырские, с которыми многие, не жившие в монастырях, а приходившие прямо из мира, совершенно не были знакомы. И ко всему тому, от игумении Серафимы, как настоятельницы, требовалось посеять семена любви и послушания между сестрами, происходившими из разных сословий и пришедшими сюда из разных мест.

Великий труд! Но помощью небесной Сезеновской покровительницы — Матери Божией, и молитвами блаженного затворника Иоанна труд этот был успешен. Уже 14 мая 1860 года за успешность в обустройстве вверенной ее управлению обители игумении Серафиме был Всемилостивейше пожалован наперсный крест.

И действительно: «В новом звании она неослабно прилагала к трудам труды: расширила ограду, отнеся ее по восточной стороне далее; при этом она не разобрала стены, построенной Дарией, которая стала находиться внутри монастыря. Трехпрестольный храм во имя Рождества Христова, в котором было решено устроить еще два престола, начатый постройкою в 1849 году старицею Дариею, Серафима отделала в изящном вкусе. Иконы для храма были написаны в Санкт-Петербурге лучшими художниками. В нем были освящены два

престола: главный — в честь Рождества Христова и по правую сторону от него — в честь Сретения Господня. Храм этот, законченный в 1863 году, для большего удобства монашествующих и приходящих в зимнее время богомольцев, устроен теплый, а во избежание тесноты во время стечения народа, несмотря на обширность его, устроены хоры...»

И все же основным храмом оставался Казанский, выстроенный в месте, указанном затворником Иоанном. Именно эта церковь считалась вместе с тем приходской для села Сезенова и других окрестных деревень, а также 3 хуторов. Здесь совершались Таинства крещения, венчания, здесь же прихожан напутствовали в последний путь. Клир Казанской церкви с. Сезенова, согласно указу Святейшего Синода, исполнял обязанности и духовенства монастыря. По штату было определено быть здесь настоятелю, помощнику (второму священнику) и псаломщику. Позднее была добавлена должность диакона.

Попечением игумении Серафимы была продолжена наружная отделка храма. Так что, будучи окончательно завершенной, Казанская церковь снаружи смотрелась очень величественно: «железные вызолоченные кресты блистали на главах храма, которые были вызолочены на полимент, а кровля — окрашена зеленой краской. Общий торжественный вид усиливала каменная четырехъярусная колокольня. Вместе со шпилем она достигала семнадцати с половиной саженей в высоту, ширину же имела шесть саженей и три четверти аршин, длину — три сажени и девять вершков. С западной стороны колокольню украшал фронтон на четырех колоннах, длиной в четыре аршина, а шириной в восемнадцать аршин и шесть вершков».

Благоустроив храмы обители так, чтобы насельницам и паломникам было удобно пребывать и молиться здесь и в летнее, и в зимнее время, матушка Серафима решила благоукрасить место подвигов блаженного Иоанна созиданием величественного собора. Это было необходимо еще и из-за того, что Преображенский храм, перестроенный старицею Дарией из келии затворника, не вмещал всех, приходивших сюда на поклонение к месту упокоения затворника. В 1864 году игумения заложила новый шестипрестольный храм во имя Святой Троицы — в два этажа.

Прежняя Преображенская церковь в ходе строительства была разобрана, так что келия Иоанна оказалась под папертью нового храма. Мощи же затворника были перенесены к левому клиросу нижнего храма. Могила старицы Дарии после переустройства храма также оказалась под его сводами и была отмечена каменным надгробием у правого клироса нижнего храма. При закладке нового храма колодезь, выкопанный старанием старицы Дарии, стал примыкать к левому алтарю, поэтому его благоустроили — над благодатным исходищем вод были выложены своды. Место же выхода воды на поверхность у склона горы, на которой стоит храм, было украшено арками, расписанными приличествующими изображениями: с правой стороны — исцеление расслабленного, а с левой — беседа Иисуса Христа с самарянкой при колодезе, в середине же арки имелась надпись: *«В 1854 году вырыт сей колодезь благословением затворника Иоанна, трудами старицы Дарии и по предсказанию затворника Иоанна, что сей колодезь будет целительным, и действительно оказалось пророчение его так, а в 1864 году при строении нового храма возобновлен сей источник иждивением игуменьи Серафимы»*. Глубина колодезя была очень внушительная: около двадцати четырех саженей — свыше 50 метров. Вода поднималась с помощью специального устройства и была замечательно вкусная.

Игумения Серафима, в схиме Евфимия. Автограф игумении Серафимы.

Нижняя церковь Троицкого храма с престолом в честь Рождества Богородицы освящена была преосвященным Феодосием II (Шаповаленко), епископом Тамбовским и Шацким, 10 сентября 1869 года. Верхняя — во имя Пресвятой Троицы — освящена преосвященным Палладием I (Раевым) 29 июня 1875 года. Любуясь завершенной постройкой в день освящения храма, епископ Палладий много расспрашивал о том, как удалось с таким вкусом его обустроить, и в конце разговора с искренностью заметил: «Если бы возможно было перенести этот храм в Тамбов, я постоянно служил бы в нем!» Действительно, окрашенный в небесно-голубой цвет Троицкий храм производил на всех чарующее впечатление. Очевидцы, посещавшие храм в начале XX века, так описывают его: «Внутри храма много света и воздуха. Очень хорошая живопись, иконостас хорошей резной работы. Внизу иконы выполнены в византийском вкусе, в верхнем храме резьба и позолота сделаны лучшими московскими мастерами». В алтаре верхнего храма находилась картина, изображающая Святую Троицу, которую подарила монастырю императрица Мария Александровна.

Неся труды по устройству обители, располагая крупной суммой денег, игумения Серафима оставалась смиренной безсребреницей. На вопрос епископа Тамбовского Палладия (Раева), приехавшего на ос-

вящение Троицкого храма, о стоимости постройки она со свойственным ей смирением ответила: «Я не веду расходов и поэтому не знаю. Это знает Сердцеведец».

С подобным же смирением, сделавшись начальницей обители, Серафима, можно сказать, непогрешимо, детски-невинно обращалась и с насельницами. Она своею кротостью умела приучить всех к должному поведению, так что каждая насельница данное ею послушание выполняла не только без ропота, но с видимым удовольствием. Игумения Серафима была внимательна и выражала свою любовь не одним лишь насельницам обители, но и всем приходящим. «Она горе каждого сама оплакивала, старалась всегда плачущего утешить, в нуждах бедняку помочь», — говорится в ее жизнеописании. Однако этот многотрудный подвиг свой старица проходила не без искушений со стороны лукавого, и кроме уединенной молитвы в часы внутренних борений она находила большое утешение в чтении Псалтири. За этим упражнением заставали ее иногда самые приближенные, те, которым она поверяла свою духовную борьбу с диаволом и рассказывала про этот свой подвиг.

Постнические труды, которые несла игумения Серафима, не для всех были доступны и нередко доводили ее до изнурения, что было особенно заметно в посты. При этом постничество ее было открыто лишь ближним, а посторонние и не подозревали о нем. Когда порой физическое расслабление доходило до того, что она не могла уже ходить, то, прикрываясь христианским смирением, говорила так: «Со мною недуг приключился». Заметим, что и обычно вкушаемая ею пища была чаще всего только растительная, не очень-то ласкающая вкус. Больше всего она любила капусту и нечищеный картофель.

С говением игумения соединяла молитву. Иисусова молитва и воздыхания к Пресвятой Деве Богородице были постоянно на ее устах. С четками она никогда не разлучалась. Иногда, заведя разговор при сестрах или при посторонних о чем-нибудь, как бы прося совета в своих делах, она настолько углублялась в умную молитву, что уже не внимала никаким внешним советам и говору. С 6-ти часов вечера

Монастырский храм Святой Троицы (современный вид)

ей постоянно читали жития святых. Это чтение продолжалось до полуночи. Причем игумения всегда просила читать громко и внятно. С 12-ти часов начинали читать правило, а когда Серафима не бывала в церкви, то вечерню вычитывали ей келейно. Затем она оставалась одна и молилась Богу, часто по целым ночам. Нередко ходила в «пещерную церковь», как именовался нижний этаж Троицкого собора и там предавалась молитвенному воздыханию у гробов затворника Иоанна и старицы Дарии.

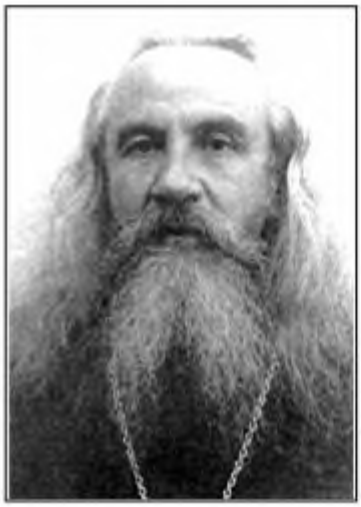
В 1870 году по причине значительного роста числа насельниц обители игумения Серафима исходатайствовала у епархиального начальства разрешение распространить монастырскую ограду в северном направлении, и хотя был уже приготовлен необходимый материал, осуществить свое намерение она не успела. Игумения желала также построить колокольню высотою всего на шесть саженей ниже, чем в Троице-Сергиевой Лавре. Первый ее этаж отводился под келии, второй — под церковь, в третьем должны были размещаться малые, а в четвертом — большие колокола. Пятый этаж отводился для устройства часов с недельным заводом. Был составлен строительный план, впоследствии, правда, исчезнувший. Игумения Серафима также говорила жившему по соседству помещику Василию Александровичу Чулкову, знатоку архитектуры, что у нее был готов и колокол на восемьсот пудов. Только смерть настоятельницы не позволила осуществиться и этим ее планам.

Здоровье игумении Серафимы начало заметно ослабевать. Она хотя и лечилась, но медицинская помощь оказывалась малодейственной. Врач, лечивший матушку, впоследствии говорил, что лишь само Провидение хранило ее жизнь для обители.

С осени 1876 года игумения очень часто жаловалась на расстроенное здоровье. Последний раз она была в храме 23 ноября 1876 года на службе в память святого благоверного князя Александра Невского и святителя Митрофана Воронежского, и с тех пор не выходила более никуда из своей келии.

Игумения Серафима скончалась в 12 часов дня 13 февраля 1877 г., прожив 70 лет и 5 месяцев. Огромная комната, где находилась почившая, не могла вместить приходивший народ, поэтому на другой же день, 14 февраля, тело игумении Серафимы было перенесено в церковь, где до самого дня ее погребения, 17 февраля, день и ночь служились панихиды. Ко дню погребения игумении Серафимы явилось столько народу, что церковь не могла вместить и десятой части скорбящих. Отпевание почившей настоятельницы совершили 12 священников. Было сказано три надгробных слова в утешение сестер осиротевшей обители...

По материалам книги «Сезеново и его подвижники». Тамбов, 2007.



СВЯЩЕННИК-ХИРУРГ

Жизнеописание иеросхимонаха Нектария (Овчинникова)

Часть 1

Иеросхимонах Нектарий, в миру Николай Александрович Овчинников, родился 8 (21) мая 1903 года в селе Хоботово Тамбовской губернии. Отец его, Александр Борисович, был железнодорожным служащим, мать, Мария Илларионовна – учительницей начального народного училища. Учился Николай вначале в гимназии города Козлова (Мичуринска), затем поступил во II Московский медицинский институт, который успешно закончил.

Мать Николая была глубоко верующим православным человеком, она часто посещала Оптину пустынь и приняла впоследствии тайный постриг с именем Михаила. Мария Илларионовна брала с собой в Оптину и сына, которому едва исполнилось пять лет. Мария Овчинникова была духовной дочерью оптинского старца о. Нектария (Тихонова), вместе с матерью у старца брал благословение и маленький Николай. С тех самых пор Николай Овчинников начал почитать иеросхимонаха Нектария Оптинского за своего духовного отца. Когда Оптину пустынь закрыли, Николай с матерью продолжали ходить к старцу Нектарию в отдаленное село Холмищи, где он жил до самой своей кончины. Путь был тяжелым и долгим, иной раз в непогоду, по непролазным дорогам. Но встреча со старцем, общение с ним сглаживали все тяготы пути.

С детства Николай был устремлен всей душой к избранию в своей жизни монашеского пути. Однако, когда он обратился за благословением к о. Нектарию, тот сказал, что вначале он должен послужить в миру, жениться и только после пятидесяти лет стать священником. Таким образом, уже в ранней юности путь о. Николая, будущего иеросхимонаха Нектария, был начертан оптинским старцем, и всю жизнь Николай Александрович ждал наступления этого «светлого дня».

Когда Николай Овчинников начал учиться в Москве, отец Нектарий передал его на духовное попечительство старцу Даниловского монастыря архимандриту Георгию (Лаврову), к которому в то время стекались верующие, особенно молодежь, студенты со всей Москвы. Удивительно, но оба старца, получившие опыт духовного воспитания в Оптиной, попали в пустынь из города Ельца, где и тот, и другой родились. По Промыслу Божию их духовный ученик о. Николай Овчинников через много лет приехал на их родину и стал священником елецкого Вознесенского собора! Но об этом впереди.

Во время учебы Николай Овчинников познакомился со своей будущей женой, также студенткой медицинского института – Марией Алексеевной Хохловой[1], духовной дочерью архимандрита Георгия (Лаврова). Отец Георгий благословил их брак, и впоследствии своего сына супруги Овчинниковы назвали Георгием.

Духовными чадами архимандрита Георгия были и друзья Николая Овчинникова, тогда еще студенты, молодые люди, а впоследствии известные врачи, ученые, священнослужители. Среди них Дмитрий Мелихов, будущий профессор психиатрии, священник Владимир Амбарцумов, расстрелянный в 1937 году и ныне прославленный в сонме священномучеников... Вместе с Сергеем Утешевым, будущим известным хирургом, который приехал в Москву также из Козлова, Николай Овчинников иподиаконствовал в

Николай Александрович Овчинников и Мария Алексеевна Хохлова

[1] Мария Овчинникова приняла впоследствии монашеский постриг с именем Мариамна.

храме у отца Димитрия (Добросердова), впоследствии – архиепископа Можайского, ныне причисленного к лику святых. Вместе они являлись членами студенческого христианского кружка, активными прихожанами храма святителя Николая в Клённиках на Маросейке. В этом храме окормлялись верующие, которые осиротели из-за повальных тогда арестов своих духовных отцов[2]. А пятого апреля 1925 года по милости Господа Николай Овчинников сподобился быть иподиаконом у святителя Тихона, патриарха Московского и всея Руси, когда Святейший служил свою последнюю литургию в храме Вознесения Господня на Пречистенке[3].

Семья Овчинниковых

В 1929 году Николай Александрович Овчинников закончил институт и начал работать в г. Мичуринске заместителем главного врача железнодорожной больницы. Случилось так, что главного врача больницы обвинили в троцкизме, и общее собрание коллектива, осудив обвиняемого, проголосовало за... смертную казнь для него. Овчинников, человек верующий, заступился за главного врача, заявив на собрании, что нельзя требовать расстрела человека, не осужденного по закону. В результате политическое обвинение пало и на Овчинникова, его уволили с работы.

В поисках нового места работы Николай в 1937 году приехал с семьей в Воронеж, где устроился врачом на станцию переливания крови.

В начале Великой Отечественной войны семья Овчинниковых, не успев эвакуироваться, оказалась в селе Чернянка Курской области. Оккупанты разрешили Николаю Александровичу работать в местной больнице. Используя это, он спасал от смерти раненых красноармейцев, попавших в плен к немцам. При этом ни одного из них не отдал для отправки в концлагерь. «Овчинников вылечил 30 русских военнопленных. Однажды женщины вытащили из отхожего места раненного в голову командира Красной Армии, которого бросили туда разозленные полицаи за то, что в бреду тот кричал: «Вперед! За Родину! Смерть фашистским оккупантам!» Кое-как обмыв раненого, они пришли за помощью к Николаю Александровичу. Ночью, в сарае, при свете коптилки, не имея нужных инструментов, хирург обработал рану и руками, на ощупь, вытащил из нее осколки снаряда и обломки костей[4]. Несмотря на то, что раненый громко бредил, его и хирурга никто не выдал. Командир остался жить и после ухода фашистов уехал в родные края. Этот боец, а также и многие другие, вылеченные Николаем, оставили ему свои письма с благодарностями. Эти письма впоследствии спасли самого Овчинникова, когда советские органы госбезопасности проверяли всех, кто оставался во время войны в оккупации, а тем более работал при немцах. Много лет спустя, когда Николай Александрович уже стал священником, к нему в Елец приехал спасенный им красный командир, чтобы еще раз выразить ему благодарность. Для о. Николая, как сказал его сын Георгий Овчинников, врач-патологоанатом, никогда «не было мелочи в добрых делах». «Тот, кто напоит жаждущего стаканом холодной воды, не потеряет награды своей, – пишет Георгий Николаевич в "Приснопамятном портрете отца". – Папа в жизни так и поступал».

Николай Александрович Овчинников много практиковал как хирург, иногда делал уникальные операции без необходимого набора инструментов и в экстремальных условиях. После войны он решил защищать диссертацию и обратился за советом к известному хирургу, ныне прославленному в лике святых, архиепископу Луке (Войно-Ясенецому), с которым до этого переписывался. Эти письма, аккуратно разобранные и составляющие несколько сшитых тетрадок, бережно хранятся в архиве Овчинниковых. Святитель-хирург не благословил Николая Александровича на занятие научной деятельностью, а предложил готовиться к священству.

Общение со святителем Лукой оказало на о. Николая большое влияние. Примеру святителя – сносить кротко и смиренно неволю и утеснения – Овчинников следовал, когда на него свалилось новое нелегкое испытание.

Врач-хирург Николай Александрович Овчинников

В 1947 году он взял на себя чужую вину за недостатки, допущенные в работе Воронежской областной станции переливания крови, директором которой он в ту пору являлся. В результате Овчинников был осужден на десять лет лишения свободы.

---

[2] Так, архимандрита Георгия (Лаврова) арестовали в 1928 г.

[3] Храм Большого Вознесения на улице Пречистенке. Есть еще храм Малого Вознесения.

[4] Коротких Галина «Делать добро». Воронежский епархиальный вестник. № 1(58), январь-март,1999.

При расставании он сказал сыну Георгию, «что ни в чем не виноват, что это ошибка и она со временем выяснится»[5]. Из ссылки Николай Александрович в письмах родным объяснял, что всё – и пришедшие к ним испытания тоже – совершается по воле Божией, и что на примере их собственных переживаний видно, что «за ошибки Господь не наказывает, а только за намеренный грех», и «воля Его всегда направляема на благо людей»[6].

В душе Николая Овчинникова все увереннее складывается стремление посвятить свою жизнь служению Богу. «Не будем огорчаться тому, что дни наши текут и все ближе и ближе подходит безпомощная старость, а дни взыскующих земных радостей уходят в вечность, – пишет он 22 августа 1958 года в письме к жене Марии Алексеевне. – Но для нас так не должно быть. Не философия безпомощности и самоуспокоения диктует мне эти слова, но глубокое убеждение в том, что жизнь разумных существ, созданных «по образу и подобию Божию», не может не быть вечной. Из небытия к бытию призвал нас Господь для того, чтобы мы вечно жили, а земная жизнь – это мастерская, где формируется наше духовное тело для безконечной будущей жизни. Поэтому так жаль, что полвека прошедшей жизни потрачено на временное и скоропроходящее. Будем же, родная, в неизвестный остаток нашей жизни желать от всей души восполнить потерянное и как мудрые странники-путешественники по пустыне нашей жизни восполним на душевной нашей карте «белые пятна» – пустоты ее – удесятеренными подвигами во спасение наше. Вспомним наставление о. Георгия, его ожидаемое от нас духовное делание с первых дней нашей совместной жизни. Желаю я тебе (также и себе) исполнения их теперь на радость нашим Божественным Ангелам и во славу Божию. Пусть основной нашей молитвой будет: "*Да святится имя Твое*" во всей нашей жизни, чтобы наше прославление имени Божия было не только устами и сердцем, но и самими телами и делами нашими, всей жизнью нашей, в деятельной любви, через которую только и можно подойти к Богу. Умереть для мира, чтобы жить для Бога – вот программа нашей жизни».

В 1953 году Николая Александровича Овчинникова освободили досрочно. Некоторое время он еще

Протоиерей Николай Овчинников

практиковал как врач, а в 1955 году уехал в Ташкент к епископу Ермогену (Голубеву; 1896-1978). Здесь на Вознесение Николай Овчинников был рукоположен во диакона, а на день Святой Троицы – во священника. Рукополагали Николая Овчинникова в облачении праведного Иоанна Кронштадтского, которое потом долго хранилось у него[7]. Знаменательно и то, что вокруг престола водил его архимандрит Борис – последний настоятель храма Святителя Николая на Маросейке в Москве до его закрытия. Иподиаконствовал в это время Александр Куликов, проходивший армейскую службу в Ташкенте, и этому юному солдату о. Николай предрек, что тот станет священником и будет служить в храме на Маросейке. Это предречение сбылось – сегодня о. Александр Куликов является настоятелем храма святителя Николая в Москве, в Клённиках на Маросейке.

При рукоположении о. Николаю исполнилось пятьдесят два года. Не раз он вспоминал пророческое наставление оптинского старца Нектария о том, что священником ему быть именно в зрелом возрасте. Священство предсказала Николаю Овчинникову и известная воронежская юродивая Феоктиста Михайловна[8]. К ней Николай Александрович, тогда врач, обратился в конце тридцатых годов в один из трудных периодов своей жизни. «Какой ты врач, ты – поп», – сказала блаженная Феоктиста при их знакомстве. Так всё и свершилось...

По состоянию здоровья отцу Николаю вскоре пришлось покинуть Ташкент – у него обострилась давняя болезнь глаз – глаукома. Он вернулся в Воронеж. Митрополит Воронежский и Липецкий Иосиф (Орехов) благословил отца Николая на служение в городе Ельце. В Елец о. Николай Овчинников приехал в ноябре 1958 года и прожил здесь до последнего дня своей земной жизни – 1 марта 1985 года.

Всем сердцем полюбил о. Николай эти места. Ведь Елец был «городом Божией Матери», местом, над которым Небесная Владычица простерла Свой Божественный омофор, чтобы защитить ельчан от грозного врага – Тамерлана, и тем самым (произошло это в 1395 году) спасла от нашествия завоевателя Россию и всю Европу. К Ельцу с особым почтением и любовью относился всегда почитаемый о. Николаем святитель Тихон Задонский, который называл Елец «Сионом новым, Божиим жилищем». Елец некогда славился своими монастырями – мужским и женским, а также многочисленными благоукрашенными церквями и часовнями. В древние времена город смог восстать из пепла после разорения иноземцами и отстроиться вновь по благословению святителя Алексия, митрополита Московского. Отец Николай не мог оставаться равнодушным к такой богатей-

---

[5] Ельникова О. «Вы будете возрождать Православие...» Протоиерей Николай Овчинников (иеросхимонах Нектарий). Даниловский благовестник. Выпуск 12. 2001.

[6] Там же

[7] После кончины старца М. А. Овчинникова (м. Мариамна) передала облачение в возрожденную Оптину пустынь.

[8] Блаженная юродивая Феоктиста Михайловна подвизалась в Воронеже в 1920-30-х годах прошлого столетия, скончалась 22 февраля 1936 г.

шей истории города, с восторгом делился своими познаниями вначале с сыном Георгием, а затем и с внуками, которых у о. Николая и Марии Алексеевны росло пятеро. Один из внуков о. Николая Феодор Овчинников, ныне врач-онколог первой городской больницы Ельца, вспоминает, как маленькими детьми они приезжали из Воронежа к дедушке в гости и вместе с ним гуляли по Ельцу. Особенно им нравилось исследовать старые уголки города. Позже отец Николай подарил Феодору фотоаппарат, и тот снимал церкви Ельца, развалины Знаменского женского монастыря на Каменной горе, Введенский спуск, Аргамачью гору. Примечательно, что семья священника жила в доме рядом с Введенской церковью неподалеку от того места, где родился и вырос архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий. Отец Николай с большим благоговением и уважением относился к трудам этого выдающегося проповедника и учителя Церкви, имел некоторые из них в своей домашней библиотеке.

Без малого четверть века прослужил о. Николай протоиереем в Вознесенском соборе Ельца. Возглавлял тогда местное духовенство архимандрит Исаакий (Виноградов) – могучий воин Христов, человек высокой культуры и образованности.

Вместе с архимандритом Исаакием отец Николай не раз вставал на защиту елецких храмов от разрушения. Сохранились копии писем, отправленные во Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры за подписью вместе с другими ельчанами и батюшки Николая, в которых бьется тревога о том, что разрушаются древние здания в Ельце, взрываются и готовятся к уничтожению храмы.

Так, в 1969 году протоиерей Николай Овчинников обращается к заместителю председателя Совета Министров РСФСР, председателю Центрального Совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры В. И. Качемасову с просьбой помочь пресечь равнодушное отношение местных властей с безценному памятнику прошлого – Вознесенскому собору. «Наш собор известен на весь мир как памятник истории и культуры, – говорится в письме. – Это зодчество – дело рук славного архитектора Тона... А отношение к нему местных организаций очень прохладное ...Подвалы собора превращены в овощехранилище всех видов, вплоть до лука и чеснока, запах которых проникает в летнюю часть собора и, по заключению художников, плохо действует на краски уникальных произведений академиков Корзухина и Лебедева, расписывавших стены храма. Просим Вас сдвинуть с «мертвой точки» безразличного отношения к храмам Ельца тех, кто должен заниматься реставрацией храмов до степени приведения их в надлежащий вид. Нужно дать нашему поколению возможность восстановить из руин созданное нашими предками, то, что было дорого и близко их сердцу. Нужно передать это грядущему поколению как драгоценное наследие наше».

Отец Николай с внуками

Есть ответы за подписью сановитых чиновников, что меры будут приняты. И действительно, было спасено немало церковных ценностей. Для этого пастырям приходилось порой использовать свои личные знакомства и связи. При острой необходимости отец Николай звонил в Москву депутату Верховного Совета СССР, председателю Комитета советских женщин Нине Васильевне Поповой, у которой на рабочем столе в числе других находилась специальная папка с надписью «Елец». Нина Васильевна была уроженкой Ельца, много помогала своему родному городу.

Прихожане Вознесенского собора любили своего батюшку, и отец Николай отвечал им тем же. «Он не щадил себя, раздавая себя людям, проявляя огромную внутреннюю силу любви Христовой, – пишет получивший благословение о. Николая на священническое служение о. Андрей Суховский, в прошлом врач-психиатр, ныне настоятель храма Покрова Божией Матери в с. Усть-Кокса республики Горный Алтай. – После служения Литургии, как правило, ему требовались часы, чтобы дойти до своего стоящего рядом с храмом дома. Толпа верующих всегда окружала его: одному он давал духовный совет, другим обещал помочь в беде, третьему помолиться за потерявшуюся скотинку, четвертому отдавал последние деньги, пятому выписывал здесь же на ходу рецепт»[9]. Профессиональные знания и опыт врача, конечно же, помогали о. Николаю на стезе духовного врачевания. Но как раньше, так и теперь главными для него были «Бог в душе и сострадание к людям, а также жажда нести слово Божие заблудшим и страждущим» – то, что привело «врача по должности во врачи духовные по призванию, из земной больницы во врачебницу духовную, в церковь»[10]. По утверждению Владимира Крупина, секретаря правления Союза писателей России, одного из духовных детей о. Николая, не было человека, который, прибегнув к помощи батюшки, ушел бы неутешенным. «Кажется, – говорит Владимир Крупин, – никто, как он, не обладал такой способностью

---

[9] Суховский Андрей, священник. Духовные встречи. Александровский вестник, № 25. 1997.

[10] Владимир Крупин «Ты соединил нас на земле, да не разлучи же и в мире загробном...» Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения иеросхимонаха Нектария (Николая Овчинникова), состоявшейся 21 мая 2003 года в Елецком государственном университете им. И.А. Бунина.

брать на себя чужие страдания и так скорбеть о гибели во грехах отчаявшихся людей, что не могла не проснуться совесть, если даже она дремала долгие годы, не могла не вытечь слеза, если даже глаза давно были сухими».

Другое духовное чадо о. Николая московский кинооператор Олег Мартынов рассказывает: «В самом начале нашего знакомства с отче (так называли духовные дети о. Николая – *прим. ред.*) я прожил в его доме на улице Шевченко целых полтора месяца. Он сказал: "Ты будешь моим помощником". Каждый день я вместе с ним просыпался, вставал и шел на службу в Вознесенский собор – для меня это было прохождением христианской науки. Службы длились как в монастыре – по четыре часа. Затем обед, затем вечерняя служба и т.д.. Во все эти дни я наблюдал особенности его характера, поражавшие меня. Прежде всего это относилось к простоте его души, а вернее, к величию простоты. Он, не рассуждая, отдавал тепло своей души нуждающимся людям, которые приходили к нему во всякое время. К примеру: мы сидим за столом, обедаем, и вдруг приходит человек: "Батюшка, надо соборовать где-то там, надо ехать..." В этот момент отец Николай как раз подносил ложку ко рту. Он не донес ложку, положил ее обратно в тарелку, вытер салфеткой бороду и сказал: "Олежек, поедем". Меня это поразило. Ну что ему стоило затратить на свой обед еще одну минуту, несколько минут! Мне казалось, что эти минуты ничего не стоили, доедим горячий суп и поедем. Но для отче подобная минута стоила жизни другого человека, и он поспешил к этому человеку на помощь...

После службы я всегда ждал его в маленьком притворе при храме. Там собирались для общения с о. Николаем прихожане – у кого-то беда, кто-то больной, кто-то убогий, а кто-то приезжал издалека – и все со своими проблемами. И он всем уделял внимание, каждому давал по его просьбе – кому врачебный совет, кому нужную молитву, кому благословение на то или иное дело. Эту его непрестанную готовность прийти на помощь страждущим с чувством обновленной живой любви к людям можно сравнить только с любовью Самого Христа к ближним. Отец Николай делал с радостью все, что у него просили. Меня поражало в отче и то, что он никогда не руководствовался догмами. К нему нередко приходили люди, которые оступились в жизни, которые так пали, что достойны были, наверное, презрения и сочувствия не вызывали. Но для о. Николая не существовало такой точки зрения, когда нельзя помочь человеку. Он считал, что пусть и вопреки всякой земной логике, в падшем в любую секунду могла зажечься искра раскаяния и просветления. Он отпевал людей, которые сами себя лишили жизни. Отец Николай делал это, руководствуясь законами живого участия в человеке, законами Христовой любви...»

Архимандрит Исаакий и протоиерей Николай

«Вспомним сказанное Господом, – говорил отец Николай в одной из своих проповедей перед прихожанами Вознесенского собора, – что и «волос с головы не упадет без воли Отца Небесного». Зная это, предадим себя в волю Божию, совершенную и благую. Подумаем над тем, как сделать себя сосудом Его благодати, исполнителем Его воли; устроить свою жизнь по Его заповедям, из которых утверждается как главная заповедь: «*любить Бога всем сердцем и существом своим*», и вторая, подобная первой: «*любить ближнего своего как самого себя*». К этому мы должны стремиться всею своею жизнью и желать этого всеми силами своей души».

Сила духа, которой обладал этот человек, притягивала к нему, объединяла вокруг него самых разных людей. Отца Николая звали «отец отцов», потому что к нему в Елец на исповедь съезжалось большое количество духовенства, в том числе иерархов нашей Церкви. Он общался со многими известными пастырями, старцами. Среди них – схимитрополит Серафим (Мажуга). Был он знаком также с одним из последних насельников Оптиной пустыни схимонахом Иоасафом (Моисеевым), многие годы проведшим в заключении, а потом жившим в затворе в г. Грязи Липецкой области. Скончался старец Иоасаф в 1976 году, и отец Николай участвовал в его отпевании. Бывая в Москве, батюшка общался с владыкой Питиримом, митрополитом Волоколамским и Юрьевским, викарием Московской епархии (1926-2003), сослужил ему за богослужением.

Архимандрит Исаакий (Виноградов) однажды сказал, что у служителя престола есть такое особенное призвание – «это старчество, т.е. работа отдельно над человеческими душами, отдельно же и вверившимися своему руководителю старцу»[11]. Многие, знавшие отца Николая, отмечали в нем именно эту черту его духа, которая проявлялась и в поисках отцом Николаем назидательных старцев и в готовности им подражать даже во внешних проявлениях, «и как бы отречении от самых попыток сохранить свою молодость»[12]. По словам о. Исаакия, о. Николай «быстро состарился, то есть внешне и внутренне принял облик старца».

По материалам книги Доценко А. Н. «Святые лики над Ельцом».

---

[11] Слово архимандрита Исаакия (Виноградова) в день 70- летнего юбилея протоиерея Николая (Овчинникова).

[12] Там же.

Кому нужен священник?

Рассказ

Это происходило в 60-е годы прошлого столетия...

Отец Василий, заочник 2-го курса Московской Духовной Академии, только что сдал последний экзамен. «Слава Богу, – облегченно вздохнув, сказал он, – теперь в далекий обратный путь». Собрав свои нехитрые вещи в небольшой чемоданчик, он тепло простился со своими преподавателями и собратьями и вышел во двор. Душа влекла его последний раз поклониться раке преподобного Сергия, и он, повернув направо, направился в Троицкий собор. Приложившись ко гробу великого угодника, о. Василий вышел из стен монастыря и направился на станцию. «Слава Богу, – думал молодой священник, – и эта сессия прошла благополучно. Но что это так плохо у меня на душе? Как будто что-то внутри надорвалось. Но что именно?» Отец Василий напрягал свою память и не мог припомнить, что именно внушило ему такое мрачное настроение. Навстречу ему волнами двигались люди. «Сколько их, – думал батюшка, – и вот никто из них... ах, да, вопрос старого профессора...» Как же этот вопрос задел его сильно за сердце. Отец Василий вспомнил и самого профессора, и его внимательные, полные отеческой доброты глаза.

– Кому нужен священник? – спрашивал профессор о. Василия. Он тогда не запнулся, сказал:

– Священник нужен верующим людям, преимущественно пожилым: старикам, старушкам.

Ответил будто и не совсем плохо, но профессор был, кажется, недоволен. Так вот с чего у него начался кавардак в душе. Кому он нужен – священник? Да и верно, вот сколько идет народу, сколько же удивленных взглядов. Да и не только удивленных, но кажется, что и недобрых. Даже вон та ворона, что уселась на сухой ветке, и та как-то сильно заорала, когда о. Василий стал проходить мимо дерева, и смотрит-то она как-то подозрительно, даже нахально на молодого священника. «Кому нужен священник?» – снова вспоминается вопрос старого профессора. «Почти никому, – невольно напрашивается убедительный ответ. – Только разве старым да глупым. Но ведь и с ними должен же кто-нибудь быть. Ведь и они – люди. Да еще какие! *Малое стадо*, – припоминаются слова Спасителя о. Василию. – Нет уж, ладно об этом». И молодому батюшке вспомнились те дни, которые тогда одним разом решили его будущую судьбу. Какое было страшное время! Какая холодная грязная ночь! Как сильно тогда рвались снаряды, точно само небо обрушилось и давило своей раскаленной неимоверной тяжестью. Он на миг вспомнил то неприятное ощущение, которое овладело им в один роковой миг. Страшной силы взрыв, пламя жаркого огня, комья сырой слизистой глины – и он заживо погребен в сырой могиле. Давило грудь, давило голову, резало глаза, ныли ноги, и он даже не помнит, сколько продолжалось так. Только молнией резануло его сознание: «Конец». Помощи ждать неоткуда. Чудо одно могло его спасти. Инстинктивно он ухватился за это слово: «Чудо». «Если Ты есть, – мелькнуло в голове, – дай мне пожить, буду священником». Больше о. Василий ничего решительно не помнит. Он очнулся в госпитале, услужливая память напоминала ему последние обрывистые мысли: «Дай мне пожить – буду священником...» И вот он стал священником. «Но кому нужен священник?» – снова, как назойливая муха, засверлила прежняя мысль в голове о. Василия.

На платформе ст. Загорск толпилась масса народу. Поезд запаздывал. Начинало темнеть. Священником снова овладели прежние неприятные чувства. Как много здесь народу, а он среди них одинок, никому не нужный... Его будто не замечали. Каждый был занят своим делом. И у всех была общая мысль: скорее бы поехать... Отец Василий отошел в сторону платформы, где народу было меньше, и опять за прежнее: «...старики, старухи – вот знаменитое поле моей пастырской деятельности, а остальные?..»

– Я извиняюсь, – раздался рядом тихий женский голос.

Отец Василий даже вздрогнул от неожиданности. «Неужели это ко мне? – подумал он. – Да в такой обстановке. Да кому же я здесь понадобился?»

– Вы, кажется, священник, – сказала девушка, слегка делая поклон. – Не скажете ли Вы мне, какому Богу помолиться, мне завтра оперируют сердце? Операция будет длиться три часа. Бабушка мне сказала, что священник в этом может помочь.

Она говорила возбужденно, с каким-то жаром. Через темноватые очки на о. Василия смотрели большие доверчивые глаза. Ему стало жалко эту хрупкую девушку. Было ясно: она, как утопающая, хваталась за соломинку.

– Господь у нас один, – сказал тихо, но твердо о. Василий, – и Он слышит взывающих к Нему.

– Но я не умею молиться, меня никто не учил, – сказала печально собеседница.

– Когда Вы ляжете под нож, – снова сказал о. Василий, – то в последние минуты Вашего сознания призовите Его на помощь, и Он станет около Вас.

– Спасибо Вам, большое спасибо, – тихо ответила девушка, и о. Василий увидел, как две крупные слезинки, точно жемчужинки, скатились по бледным щекам юной собеседницы.

В эту минуту подошла электричка, и он, подхваченный волной толпы, оказался мигом в вагоне. На душе было какое-то сложное чувство исполненного долга. Он оказался **нужным** в этой серой, многолюдной толпе. И никто другой из этих людей не мог утолить горечь души этой юной страдалицы, как только он, священник, молодой пастырь.

Вагон гудел, как переполненный улей. Молодого священника будто никто не замечал. И снова мысли – кому он здесь нужен? И без него все обходится хорошо. Даже как-то легче, свободнее без священника. Что хочешь, то и делай, что вздумается, то

и мечтай. А он, даже его близость (если он стоит рядом или сидит) – уже стеснение, связанность какая-то. Даже идея о священнике как-то неотвратимо вторгается в мысли, их ограничивает, они делаются выше, серьезнее. Поэтому все шумное, веселое, молодое, неудержимо-буйное – там, в том конце вагона. А около о. Василия тише. Разговаривают мало, а иные объясняются полушепотом. «А все-таки я здесь одинокий, никому не нужный, даже лишний», – думает про себя о. Василий.

– Молодой человек, вот здесь есть свободное место, пожалуйста, садитесь, – говорил сильный женский голос.

Все невольно обернулись.

– Я Вас приглашаю, – с каким-то оттенком властности говорила женщина, обращаясь непосредственно к о. Василию.

Все расступились, давая свободный проход молодому священнику. Отец Василий кротким: «Благодарю Вас» – выразил свою признательность этой особе и молча сел на свободное место.

– Вы, кажется, священник? – все так же громко и непринужденно заговорила «благодетельница». Отец Василий еле заметным кивком головы ответил:

– Да.

– Понимаете, Вы мне очень нужны, – еще оживленнее продолжала женщина. – Я жена крупного государственного деятеля. Мой муж погиб в авиационной катастрофе. Но что самое ужасное, он приходит ко мне среди ночи и, протягивая руки, говорит: «Наташа, ведь ты должна мне помочь». От этих слов мне ужасно больно. Я немедленно зажигаю в спальне свет, и мой Алеша пропадает. Я говорила об этом своим родным, просила их помощи. И что же Вы думаете, какой ужас: вместо того, чтобы помочь Алеше, они решили помочь мне. Вы не можете себе представить, что они придумали. Срочно вызвали врача и хотели отправить меня в ...сумасшедший дом. Да, да. Как я возмутилась! Знаете, властью мужа я готова была их карать, но воздержалась. Что же это такое: совершенно здорового человека считать сумасшедшим. Вещи, требующие глубокого изучения, считать галлюцинацией. Что Вы на это скажете, молодой человек? – глядя в упор на о. Василия, спросила женщина. – Вы тоже, может быть, склонны считать меня ненормальной?

Окружающая публика затихла настолько, что можно было слышать биение собственного сердца. Отец Василий вдохнул в себя воздух и совершенно спокойно ответил:

– Ваша история с мужем – обычное явление. И я далек от того, чтобы считать Вас ненормальным человеком.

– Что же Вы посоветуете мне, чтобы избавиться от этих кошмарных видений? – взмолилась женщина.

– Есть очень простой, но верный способ, – ответил о. Василий. – Вам нужно поставить свечку в храме и раздавать милостыню.

– Это же так легко, – почти воскликнула женщина. – И хотя я человек совершенно неверующий, но я это непременно сделаю. И как я рада, молодой человек, что Вы смогли понять меня. Как ведь трудно быть понятой. Теперь я вполне уверена, что моему бедному Алеше и мне будет легче. – Она глядела на о. Василия такими глазами, которые говорили, что она готова отдать порядочное состояние, лишь бы отблагодарить за добрый совет.

– Вы самый дорогой для меня человек в мире, – подавляя волнение, сказала она решительно. Затем быстро встала и направилась к двери. В это время электричка остановилась, и она вышла на перрон.

– Как все-таки интересно, – подумал о. Василий, – что я и здесь оказался нужным. Видимо, ни один из многочисленных пассажиров не мог положительно решить ее вопрос. Кто бы мог ее понять, да и кому она могла бы поверить так, как священнику?

Остальное время до Москвы о. Василий проехал в каком-то полузабытьи. То ему представлялась та черная ворона, которая с дерева кричала ему вслед. Только она уже не по-вороньи, а прямо человеческими словами яростно вопила ему: «Кому ты нужен! Кому ты нужен!..» То вдруг перед ним засияли две звездочки горящие, катясь, крутясь, они остыли и превратились в две крупные, как янтарь, прозрачные слезинки той молодой девушки.

В Москве о. Василий очень удачно сел на дальневосточный поезд, чтобы через несколько суток спокойно добраться до родного места. «Как странно, – думал о. Василий, – вся дорога будто является ответом на вопрос старого профессора. Надо же так! Но уж здесь-то, в этом несущемся поезде, где все пассажиры в своих купе заняты отдыхом, вряд ли кому я буду нужен как священник».

За перегородкой в соседнем купе было шумно. Там ехали три молодых человека, видимо, студенты старших курсов. По крайней мере, для них о. Василий не мог остаться незамеченным. Двое суток поезд с головокружительной быстротой нес о. Василия в Сибирь. Проведя спокойно третью ночь, он освежился в туалете струей холодной воды. Затем спокойно, не спеша прочел на память, как всегда, утренние молитвы. Затем о. Василий обратил внимание на то, что обычно в это время утра за стеной давно уже шумели и разговаривали, а в это утро что-то очень спокойно. Прислушавшись, он убедился, что его мо-

подые соседи отнюдь не спали, а о чем-то напряженно и тихо беседовали между собой. Поезд быстро несся вперед, оставляя позади гуши темных уральских лесов. Отец Василий задумчиво уставился в окно вагона, и как-то совсем незаметно его взгляд перескочил от леса на летящую птицу, которая так быстро летела, будто хотела перегнать несущийся экспресс.

«Ах да, – подумал о. Василий, – ворона... Да, та крикливая ворона, что, будто давясь, кричала мне вслед. Какая же назойливая мысль, будто кто нарочно втискивает ее в мое сознание. Оно, конечно, и правда: уж где-где, а здесь-то наверняка я абсолютно никому не нужен. Поезд, как планета в безконечном пространстве, несется... Может настать час, когда и на всей планете священник не будет нужен. Да и теперь... но что это? Будто стучат в двери моего купе. Наверное, гости...» – отец Василий оторвался от окна, подошел и открыл дверь. Перед ним стояли три молодых человека.

– Мы извиняемся, – начал первый, – может быть, мы ошибаемся, но нам кажется, что Вы священник.

– Можете меня арестовать, – мягко улыбаясь, шутливо ответил о. Василий, – я всецело в вашем распоряжении.

– Да нет, – смутились гости, – мы совершенно не о том. Вы знаете, мы студенты, едем на каникулы, и вот, понимаете ли, какой счастливый случай для нас – увидеть молодого священника и не через преподавателя, как это в школе бывает, а непосредственно с Вами выяснить несколько религиозных вопросов.

Отец Василий насторожился, однако вполне откровенно сказал:

– Друзья мои, но ведь вы знаете, что беседовать священнику со студентами – дело не вполне безопасное.

– Нас, в сущности, интересует только один вопрос, – сказали гости, – и ответ Ваш будет иметь решающее значение в формировании нашего мировоззрения. Скажите, пожалуйста, – уже перешел к делу говоривший, – как Церковь относится к современным научным достижениям и, в частности, к освоению космоса?

Отец Василий немного подумал и сказал:

– Церковь всегда послушна воле Создателя. Он сотворил первых людей и сказал им: *Размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею*... «Обладать» – значит открывать новые законы природы и осваивать в человеческих возможностях Вселенную.

Молодые люди не могли скрыть своего замешательства и на глазах о. Василия стушевались. Было вполне очевидно, что ответ дан был как раз по существу.

– А не скажете ли нам, – вмешался второй из них, – где такие слова написаны? Мы прочитали всю Библию и, кажется, такого не встречали.

Отец Василий несколько раз поднял свой взор, как бы соображая, и затем уверенно сказал:

– Бытие, 1-я глава, 28-й стих.

Молодые люди искренне раскланялись, пожали о. Василию руку и тихо закрыли за собою дверь. Оставшись один, молодой священник зашагал из угла в угол и совершенно неожиданно для себя сказал: «Да, о. Василий, а все-таки ворона напрасно старалась. Выходит, что я и здесь оказался весьма нужным...»

Последующие дни о. Василий ехал как в раю. Соседи его вели себя настолько спокойно, что будто их не существовало. При встрече в коридоре не задавали никаких вопросов.

Рано утром поезд должен был доставить о. Василия на родной полустанок. По мере приближения к месту молодой священник все больше и больше стал предаваться прежним чувствам. Под утро все же заснул. Ему снились какие-то огненные взрывы. Черный, как уголь, дым застилал небо. Слышались вопли и крики сотен людей. Вот снова удар, снова, да совсем близко, рядом и какой же страшный, сильный, точно само небо пропомилось и тонны раскаленного металла рушатся на землю... Отец Василий очнулся. «Боже ты мой», – невольно с хрипом вырвалось у него из груди. Что же это такое делается? Гроза за окном, да какая страшная гроза! Настоящее светопреставление. Удар за ударом – раскаты грома. Вспышки молний разрывали небо. Страшной силы ливень обрушился на идущий поезд. А какая тьма адская!.. Отец Василий вспомнил, что ему сходить с поезда на полустанке, по крайней мере, за час до рассвета да идти пешком до своего села надо не меньше трех часов. А дорога-то какая!.. Дрожь пробежала по его телу. Кто его ждет здесь и что?!

Закутавшись в одеяло, он снова забылся. И только закрыл глаза – ужас: ворона, да не где-нибудь, а забралась прямо в купе, уселась на край его чемодана да так ехидно таращит на него свои ледяные глаза, а сама пыжится страшно, надувается, как бочка, и пронзительно хохочет и кричит: «Кому ты нужен? Ну кому ты нужен? Никому ведь ты не нужен!..»

Отец Василий открыл глаза. Пора, через 20 минут он выходит. Гроза будто прошла. «А темь-то какая, Боже мой...»

Поезд тихо остановился, издал пронзительный свист и тут же снова стал усиливать ход. Единственный фонарь на столбе бросал тусклый свет. Отец Василий мигом оказался на сырой земле. Взглянув на вагон, он увидел, как из открытого окна высунулись три руки и энергично махали ему на прощанье...

«Не спят, – мелькнуло в голове у о. Василия, – уследили даже, когда ему сходить, и вот прощаются...» Рука его невольно потянулась в карман, дос-

тапа платочек, и он утер им непрошеные слезы... В это же мгновенье он заметил, что кто-то копошится в темноте. «Бандиты, – молнией пронеслась мысль. – Уследили все-таки. Господи, – невольно вырвалось из груди, – твори волю Твою святую».

– Василий Иванович, Василий Иванович, ты ли это, голубчик? – послышалось негромкое из темноты.

«Кажется, голос-то нашего старосты, – подумал о. Василий, – неужели встречать меня приехали, да в такую непролазную грязь?»

– Батюшка ты наш, о. Василий, голубчик ты милый, – причитывала псаломщица Петровна, – как мы все ждем-то тебя.

Отец Василий был тронут такой теплой встречей. Да и приехали-то, главное, те, кто особенно его недолюбливал и козни ему строили на приходе. Староста и псаломщица повели своего батюшку грязной тропинкой. Да все заботились, чтобы он не поскользнулся, чтобы не замарался. Затем посадили о. Василия на повозку, которая стояла на дороге, и всю дорогу наперебой говорили, как все ждут его нетерпеливо. Сколько треб накопилось – «видимо-невидимо». Петровна говорила, что ни в одном царстве-государстве, небось, столько дел не набралось, как в их храме. Она даже не преминула похвалиться о. Василию, что она научилась вразумительно и очень разборчиво читать. Староста более деловито повествовал о. Василию, что у них здесь дожди все залили, все как есть. В колхозе хлеба гибнут, надо бы поскорее молебен отслужить, чтобы Господь «ведро» послал, чтобы и хлеба, и все, что ни есть, не погибло. Да на скотину «хандра» какая-то напала, «говорят дохтора – ящер какой-то такой», и тоже водосвятный молебен в церкви надо отслужить, чтобы скотинку-то спасти всю.

– Намедни, – говорил староста, – председатель колхоза мне повстречался, говорит: «Где у вас делся Василий Иванович?» Это он вас так именует, батюшка. Говорю ему, что в Москву уехал, наверно, в Кремль на сессию какую-то.

Отец Василий улыбнулся:

– Нет, Кузьмич, не в Кремль, а в Загорск.

– Ну да, я ему так и говорю. А он эдак и говорит: «Скорее бы возвращался. Пока он был здесь, у нас все будто ладно было, а как уехал, так все кувырком пошло: ливни да болезни, и чума какая-то на детишек, и все такое...»

Телега тащилась по грязной дороге очень медленно. Колеса то и дело погружались в ямы с грязной водой. Начинало светать, по дороге попадались кустики, а то и большие деревья. На одном из них уселась большущая

черная ворона и при виде незадачливых путешественников начала громко, как по заказу, гортанно, неистово кричать. Староста заметил нервный взгляд о. Василия в сторону вороны и не преминул пояснить:

– Вон в какую рань, бедняга, заорала, точно сам диавол ее разжигает.

Уже хладнокровно слушая удаляющийся вороний вопль, о. Василий, как бы про себя, промолвил:

– Как же это не нужен? Нужен я здесь, нужен...

– Вот именно, – не зная истории с вороной, подхватил староста. – Очень нужен ты, батюшка, да как же это не нужен? Шибко нужен, – и староста снова пустился рассказывать о. Василию про новости, которые за недельное отсутствие его прямо потрясли их приход.

Завидя издали купола и крестики своего храма, о. Василий облегченно вздохнул и истово перекрестился. Подъезжая к сторожке, он увидел, что стоит какая-то телега, запряженная лошадью. Увидав ее, староста недовольно буркнул себе под нос:

– Вот те на, уж кто-то приехал.

Войдя в сторожку, батюшка узнал, что приехали за ним причастить умирающего парня. В эту ночь он шел поздно по улице, и его ударила молния. Отец Василий помнит этого юношу. Николай. Дотошный был парень. В первый раз, это было уже три года назад, когда о. Василий шел со станции, а Николай на станцию, парень попросил закурить. Батюшка ему тогда ответил, что он курением не занимается. Узнав, что он священник и направлен в их село, Николай, улыбаясь, заметил, что старики да старухи давно ждут его, а уж они, молодые, обойдутся и сами, зачем нам нужен священник? Теперь же, говорят, Николай сам попросил, чтобы сходили да позвали к нему о. Василия. Видно, трудно парню. Рассказывают, что весь, бедный, обгорел. И от ожогов муки нестерпимые.

Все это произвело на о. Василия сильное впечатление. Он только на минуту забежал к своей родной семье. Успокоил матушку своим благополучным возвращением, надавал маленькой Леночке московских гостинцев и, благоговейно взяв Святые Дары, одевшись потеплее, вышел на требу...

Лошадь потащила телегу на другой конец села. Мотаясь из стороны в сторону на ухабах, молодой священник думал: «Вот теперь-то я окончательно осознал, почему старый профессор недоволен был моим ответом. Вот теперь бы я ответил иначе. На его вопрос «Кому нужен священник?» я ответил бы без колебания так: священник нужен не только старым и глупым, но он нужен **абсолютно всем**! И, Боже Ты мой! Я теперь готов отдать все свои силы, чтобы послужить именно всем. И сколько в этом невыразимого счастья, осознания до конца исполненного долга». И в тихом, умиленном сознании о. Василия всплыли, как огненные строки, слова святого апостола Павла: «*Нас наказывают, но мы не умираем... Мы нищи, но многих обогащаем, мы ничего не имеем, но всем обладаем*» (Ср. 2 Кор. 6, 9-10).

Архимандрит Тихон (Агриков).
«ПРОБУЖДЕНИЕ»

САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

АРХИМАНДРИТ ПАВЕЛ (ГРУЗДЕВ)

Много написано в XX веке об ужасах и страданиях лагерей. Архимандрит Павел уже незадолго до смерти, в 90-х годах нашего (уже минувшего) столетья, признался:

«Родные мои, был у меня в жизни самый счастливый день. Вот послушайте.

Пригнали как-то к нам в лагеря девчонок. Все они молодые-молодые, наверное, и двадцати им не было. Их "бендеровками" называли. Среди них одна красавица — коса у ней до пят и лет ей от силы шестнадцать. И вот она-то так ревит, так плачет... "Как же горько ей, — думаю, — девочке этой, что так убивается она, так плачет".

Подошел ближе, спрашиваю... А собралось тут заключенных человек двести, и наших лагерных, и тех, что вместе с этапом. "А отчего девушка-то так ревит?" Кто-то мне отвечает, из ихних же, вновь прибывших: "Трое суток ехали, нам хлеба дорогой не давали, какой-то у них перерасход был. Вот приехали, нам за все сразу и уплатили, хлеб выдали. А она поберегла, не ела — день, что ли, какой постный был у нее. А паек-то этот, который за три дня — и украли, выхватили как-то у нее. Вот трое суток она и не ела, теперь поделились бы с нею, но и у нас хлеба нету, уже все съели".

А у меня в бараке была заначка — не заначка, а паек на сегодняшний день — буханка хлеба! Бегом я в барак... А получал восемьсот граммов хлеба как рабочий. Какой хлеб, сами понимаете, но все же хлеб. Этот хлеб беру и бегом назад. Несу этот хлеб девочке и даю, а она мне: "Ні, не треба! Я честі своєї за хліб не продаю!" И хлеб-то не взяла, батюшки! Милые мои, родные! Да Господи! Не знаю, какая честь такая, что человек за нее умереть готов? До того и не знал, а в тот день узнал, что это девичьей честью называется!

Сунул я этот кусок ей под мышку и бегом за зону, в лес! В кусты забрался, встал на коленки... и такие были слезы у меня радостные, нет, не горькие. А думаю, Господь и скажет:

— Голоден был, а ты, Павлуха, накормил Меня.

— Когда, Господи?

— Да вот тую девку-то бендеровку. То ты Меня накормил! Вот это был и есть самый счастливый день в моей жизни, а прожил я уж немало».

АРХИМАНДРИТ ПАВЕЛ (ГРУЗДЕВ)
«РОДНЫЕ МОИ»

ИНОК

Из всех на земле тропинок
И разных путей-дорог
Труднейшую выбрал инок,
Но в помощь ему Сам Бог.

В житейских морях волною
Страстей закипает кровь...
У инока всё иное:
Христос, нищета, любовь.

Монах Лазарь (Афанасьев),
г. Сергиев Посад

Христианская поэзия

По дорогам каменистым,
По долинам и горам
Я иду путём тернистым
По Твоим, Господь, стопам.

Не сотрётся след кровавый
Там, где Ты пронёс Свой крест.
Не ищу себе я славы,
Лишь Тебе пусть будет честь.

Если есть в пути опасность
И меня смущает страх, —
Ты несёшь меня, мой Пастырь,
Как ягнёнка, на руках.

А когда темно и трудно —
Виден ясно между туч
Путь единственный и чудный,
Узкий, светлый, словно луч;

Аромат исходит райский
От Того, Кто впереди.
Я в грехах своих покаюсь —
Он очистит и простит.

Каменной твердыней будет
И защитою моей,
Все грехи мои забудет,
Скроет их на дне морей.

Он мне в помощь простирает
Руку сильную с небес,
А куда ведёт — не знаю,
Но влечёт меня к Себе...

За меня Он был изранен,
Чтобы жизнь и мир мне дать,
И одно души желанье —
Господу себя предать...

Юлия Шевченко, г. Воронеж

ЕСЛИ БОГУ БУДЕТ УГОДНО

Один галисиец, побывав по своим делам в Севилье, возвращался домой.

— Куда ты идешь? — спросил его некий человек, когда он уже почти подошел к своей деревне.

— К жене и детям, — ответил крестьянин. — Скоро я увижу их!

— Если Богу будет угодно, — сказал прохожий.

— Я непременно приду, будет это угодно Богу или нет! — с гордым видом возразил галисиец. — Ведь стоит мне лишь перейти тот ручей — и вдали покажется мой дом!

Он пошел дальше, но, переходя через ручей, поскользнулся, упал в воду и... превратился в лягушку.

Целых три года прожил бедняга среди мокрой травы, питаясь мошками и личинками, и больше всего боялся, как бы его не съела цапля, не укусила пиявка, не ударили палкой или не запустили в него камнем озорные мальчишки.

Прошло три года. Случилось так, что в ту пору мимо проходил человек, который, как когда-то и он, возвращался домой. Прохожий присел на берегу ручья и сказал:

— Скоро я увижу своих детей и...

— Если Богу будет угодно! — закричала, высунув голову из воды, лягушка и сразу же превратилась в человека.

Можете себе представить, как обрадовался он — ведь только что он был лягушкой!

— Куда ты сейчас пойдешь? — спросил его прохожий.

— Домой, если Богу будет угодно, — ответил он, — повидать жену, если Богу будет угодно, детей, если Богу будет угодно, и телушку, если Богу будет угодно, а потом, если Богу будет угодно, я засею свое поле и, если Богу будет угодно, соберу хороший урожай.

Отметив, что он ко всему, о чем бы ни говорил, добавляет: «Если Богу будет угодно», Господь захотел, чтобы все его желания сбылись: он нашел и жену и детей в добром здравии, а телушка собиралась родить теленочка. Потом он засеял поле и собрал хороший урожай, потому что Богу так было угодно.

«Если Богу будет угодно».
Христианские сказки
Испании, Португалии и Америки

Просьба не использовать альманах в хозяйственных целях

При перепечатке ссылка на "Задонский паломник" обязательна

399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14, Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, тел. 2-49-55. *Выходит с 2000 г. Тираж 5000 экз.*

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство *ПИ №ФС77-21446 от 01 июля 2005 г.*